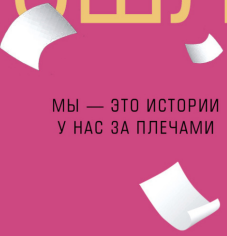

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЧИК ПРОШЛОГО

МЫ — ЭТО ИСТОРИИ
У НАС ЗА ПЛЕЧАМИ

ЭМИ
МАЙЕРСОН

Эми Майерсон
Книжный
магазинчик прошлого
Серия «Девушки в большом городе»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63864237

Эми Майерсон. Книжный магазинчик прошлого: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-120972-8

Аннотация

Миранда выросла среди полок книжного магазина своего эксцентричного дяди Билли, решая загадки, которые он для нее придумывал. Но когда девочке исполнилось двенадцать, дядя поссорился с ее мамой и навсегда исчез из их жизни. В следующий раз она слышит о нем уже шестнадцать лет спустя: Билли умер и оставил ей «Книги Просперо», находящиеся на грани банкротства.

После того как Миранда возвращается в Лос-Анджелес и входит в магазинчик уже как его владелица, она начинает находить подсказки: между страниц романов, в запертых ящиках квартиры дяди и даже в самом названии магазина. Миранда решает спасти «Книги Просперо» и найти ответ на последнюю загадку, которую оставил ей Билли. Вскоре девушка встречает

людей из его прошлого, и их истории помогают пролить свет на тайну их семьи.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	76
Глава 5	105
Глава 6	130
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Эми Майерсон

Книжный

магазинчик прошлого

Amy Meyerson

THE BOOKSHOP OF YESTERDAYS

Печатается с разрешения литературных агентств The Gernert Company и Andrew Nurnberg

Copyright © Amy Meyerson 2018

© Диана Саакян, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

«Книжный магазинчик прошлого» – роман с большим сердцем и любовью к деталям. История о семье, чувствах и целительной силе людей, которые окружают каждого из нас. Это любовное письмо чтению и книжным магазинам, а также подтверждение того, что мы – это истории у нас за плечами.

«Роман... в котором можно раствориться».

Bustle

Прошедшее прологом должно служить.
Уильям Шекспир. «Буря»
(Пер. Н. М. Сатина)

Глава 1

В последнюю нашу встречу дядя подарил мне собаку – маленького золотистого ретривера с грустными глазами и носом в форме сердечка. Щенок не задержался у нас надолго, я даже не успела дать ему имя. Помню, как он бегал по нашей гостиной, а я представляла, сколько приключений нас ожидает впереди!

В следующую секунду собаки уже не было.

С дядей Билли то же самое. Он попрощался с нами, помахал рукой, отъезжая от дома, и с тех пор я его не видела.

Мама никогда не хотела собаку. Я просила, обещала выгуливать щенка каждый день, чистить ковер в гостиной в случае неприятностей, но мама оставалась непреклонна. И дело не в ковре и не в разгрызенной обуви. Даже не в любви. Она не сомневалась, что я буду любить собаку. Конечно, мама бы тоже ее любила, но питомец, как и любое живое существо, требует не просто любви, а ответственности. Я же была на заре своих подростковых лет, когда мальчики и друзья значат больше, чем карманные деньги, собаки и даже семья. Мы это уже проходили. Никаких собак. Я это знала.

И дядя Билли это знал.

Щенок был подарком ко дню рождения. Когда мне исполнилось двенадцать, родители арендовали зал с игровыми автоматами и несколькими бейсбольными клетками в Кал-

вер-Сити. Это было начало 1998 года. Мы всегда отмечали мой день рождения уже в январе, потому что я родилась в самом конце месяца.

Надев защитный шлем, я неуверенно зашла в бейсбольную клетку, пока мои друзья старались всячески меня подбодрить. Перед началом игры папа дал совет:

– Ноги на ширине плеч, а локти держи повыше!

Я была уверена, что мама не удержится от наставлений в духе: «Будь осторожнее», но она стояла у барной стойки и разговаривала по телефону.

– Давай, Миранда, у тебя все получится! – сказал папа после неудачной подачи.

В этот момент к нему подошла мама и что-то еле слышно прошептала. Вторая моя подача оказалась не лучше – мяч вылетел за пределы клетки.

– Давно пора принять, что ему нельзя верить, – ответил ей папа. – Миранда. – Он повернулся ко мне. – Будь внимательнее!

Я слышала, как мама прошелестела:

– Но он *обещал* прийти.

– Мы обсудим это позже, – ответил папа.

– Зачем он дает обещания, если не собирается их сдерживать?

– Сюзи, не сейчас.

Я старалась сосредоточиться на вздернутом локте, свободных коленях – как папа и учил, – но этот «тайный» раз-

говор меня отвлекал.

Только один человек мог являться причиной их перешептываний.

Я ненавидела, когда мама с папой так обсуждали дядю Билли, будто пытались меня от него защитить, будто он был кем-то, от кого меня стоило оградить. Я обернулась и взглянула на родителей. Они смотрели друг на друга, облокотившись о клетку.

Я услышала отскок мяча до того, как почувствовала боль от острого удара и сильное жжение в плече. Я закричала и упала на пол. Еще два мяча просвистели рядом с головой. Папа крикнул, чтобы бейсбольную машину выключили, и поспешил в клетку вместе с мамой.

– Солнышко, ты в порядке? – Мама сняла с меня шлем и убрала со лба вспотевшие волосы.

У меня перехватило дыхание от боли. Я лежала на холодном бетонном полу, не в силах даже ответить.

– Миранда, скажи что-нибудь. – Ее голос был на грани истерики.

– Все в порядке, – ответила я, тяжело дыша. – Поем торт и успокоюсь.

Обычно родители смеялись после подобных слов, но в этот раз никто из них никак не отреагировал, и они продолжили смотреть друг на друга обеспокоенными и немного разочарованными взглядами, будто ссадина на моем плече тоже была виной Билли.

– С мамой все хорошо? – спросила я папу, пока мама разговаривала с работником у барной стойки.

– Вполне, а если что-то и случилось, это исправит тортик, – ответил он и потрепал меня по волосам.

После того как праздничный торт был съеден, а пакетик со льдом, который мама велела прижать к плечу, превратился в мокрое пятно на моей футболке, мы, наконец, пошли к игровым автоматам. Мою руку пронзала острая боль, но я не обращала внимания и продолжала играть в скибол. Время от времени я смотрела на родителей. Они убирали со стола: мама резкими движениями вытирала клеенку, пока в какой-то момент папа не прервал ее и не обнял. Он погладил ее по волосам и что-то прошептал ей на ухо. Я не понимала, почему она так расстроилась. Билли часто не приходил, даже если давал обещание. Честно говоря, я не могла вспомнить ни одного своего дня рождения за последние несколько лет, на котором бы он присутствовал. Вот если землетрясение в Японии или Италии, он первым самолетом летел туда с другими сейсмологами, инженерами и социологами. У него обычно не находилось времени, чтобы оповестить нас о своем отъезде. Но я не расстраивалась, я гордилась им. Мой дядя был кем-то важным. Мой дядя спасал людей. Мама учила воспринимать его так. Когда Билли в очередной раз не приходил на мои выступления в школе или на воскресные барбекю, мама говорила:

– Твой дядя очень хотел прийти, но он занят. Благодаря

ему этот мир становится чуточку безопаснее.

Он был моим супергероем. Капитан Билли, спасающий мир, но не сверхсилами, а сверхмозгом. И хотя я уже выросла, чтобы верить в героев, я все еще верила в Билли. Я думала, что и мама в него верит, пока не увидела ее заплаканное лицо на мой день рождения.

* * *

В тот вечер Джоани, моя лучшая подруга, осталась у нас ночевать. Мы рано легли спать. В туманной полудреме меня вдруг разбудил звонок в дверь и последующие за ним осторожные шаги и тихий шорох. Я выскользнула из кровати и проскочила в коридор. Внизу, у входной двери, стояла мама, одетая в атласный халат, аккуратно затянутый на ее тонкой талии. Билли же оставался на крыльце снаружи.

Я бросилась к лестнице в порыве прыгнуть на него. Моя комплекция была уже достаточно крупной для таких трюков, но я не сомневалась, что даже во взрослом возрасте буду так же встречать своего дядю, до хруста в спине заваливая его своей любовью. Однако, подбежав к лестнице, я замерла, пораженная словами моей мамы:

– Какого хрена ты творишь? Сейчас три утра.

Я застыла на месте. Мама никогда не повышала голос и не ругалась.

– Мало того, что заявляешься сюда посреди ночи, так еще

и сваливаешь на меня всю вину. Твою мать, и как тебе наглости хватает?

Я все так же, не шевелясь, стояла наверху. Меня ошеломил мамин гнев. Никогда прежде я не слышала ничего подобного.

– Ты сам так решил. – Она старалась контролировать свой голос. – Ясно? Это был твой выбор. И не надо обвинять меня.

Билли отвел взгляд, а мама продолжила кричать, что сейчас поздно, что он сволочь и нарцисс – я не поняла смысл этого слова, равно как и других оскорблений в его адрес. Когда Билли заметил меня наверху лестницы, он покраснел от стыда и застыл на месте. Мама обернулась. Она выглядела намного старше своего возраста и показалась мне невероятно бледной.

Я вглядывалась в их выразительные лица. Нет, они ругались не из-за моего дня рождения. Причина крылась в чем-то другом.

– Родная, иди спать, – сказала мама. Я не шевельнулась, и тогда она добавила: – Пожалуйста.

Я рванулась в комнату, растерянная и необъяснимо смущенная тем, что увидела. Джоани услышала, как я ложусь обратно, и повернулась ко мне.

– Который час?

– Уже за три.

– Кому понадобилось приходить в это время?

– Не знаю.

Она отвернулась, что-то пробормотав. Я же не могла заснуть. Мамины слова проносились эхом в моей голове: «*И как тебе наглости хватает*». «*Не надо обвинять меня*». «*Это был твой выбор*». Первые лучи солнца проскользнули сквозь шторы, оповещая о скором начале дня. Я не спала всю ночь, но так и не сумела разгадать, какой выбор сделал Билли, в чем он обвинял маму и что происходило в тот момент у входной двери.

* * *

Позже, тем же утром, папа повез меня и Джоани на завтрак с панкейками.

– А где мама? – спросила я, залезая в машину.

– Она еще спит.

Мама никогда не просыпалась позже семи, но папин тон исключал дальнейшие вопросы.

Когда мы вернулись домой, мама все еще была в атласном халате. Выющиеся темно-рыжие волосы обрамляли ее лицо, пока она заворачивала шоколадные чипсы в тесто. Обычно мамино пение являлось главным ингредиентом любого блюда. Ее красивый, мелодичный голос словно околдовывал пирог или лазанью, отчего вишня и помидоры становились слаще. Но в этот раз на кухне стояла тишина, а мама продолжала месить тесто для печенья.

Она подняла голову, услышав наши шаги в дверном про-

еме. Ее глаза опухли, а лицо было невероятно бледным.

– Как позавтракали?

– Папа разрешил попробовать три вида панкейков.

– Правда? – Мама вновь вернулась к тарелке с тестом. –

Какой он молодец.

Мне хотелось, чтобы она запела и отвлеклась от своего состояния. Но мама все так же молча следила за тем, как тесто глухо ударяется о тарелку, а я гадала, будет ли печенье таким же вкусным без секретного ингредиента.

* * *

В течение нескольких недель от Билли не было никаких новостей, но однажды он зашел, чтобы устроить мне праздничный сюрприз. Я понятия не имела, куда мы поедем. В этом заключалась вся прелесть выходных с дядей: что бы я ни предлагала – пойти на пирс или в парк аттракционов, – мои идеи не были даже наполовину такими же захватывающими, как приключения, которые придумывал Билли.

Учащенное дыхание его старого «БМВ» эхом пронеслось по дому. Я ждала последующего звука закрывающейся двери, ждала, что мама побежит встречать Билли, закидывая его вопросами. Куда мы собрались? Будут ли там другие дети? Там безопасно? Я не упаду с какой-нибудь скалы? Ремни безопасности? Спасательные жилеты? Казалось, ее никогда не удовлетворяли его ответы.

Прозвучал гудок машины, и мама позвала меня, не выходя из спальни:

– Билли приехал!

– А ты не хочешь с ним поздороваться? – крикнула я.

– Не сегодня.

На выходе из дома я немного замялась. Мамина спальня оставалась закрытой. Увы, это не имело значения, ведь Билли даже не позвонил в дверь. Он ждал меня в машине, не выключая двигатель.

– Это же моя любимая девочка! – воскликнул дядя Билли, когда я запрыгнула в «БМВ».

Он всегда называл меня своей любимой девочкой. Если бы я услышала такие сопли от родителей, я бы умерла со стыда. Но с Билли я чувствовала себя маленьким ребенком, которым все еще хотела оставаться, пусть знала, что в двенадцать лет это уже не круто. Мы выехали на дорогу, и мой дом скрылся за горизонтом. Я все думала: наблюдала ли мама из окна за нашим отъездом?

– Ну и сюрприз я тебе подготовил! – Лицо Билли озарила знакомая мне широкая улыбка. Я вглядывалась в его глаза, улыбку, мимику, пытаюсь найти общие черты с мамой. Дядя казался таким счастливым, словно витал в облаках.

– Сюрприз?

Я бы ни за что в жизни не призналась в этом Джоани, но получать сюрпризы от дяди Билли было куда веселее, чем воровать помады в аптеках, и намного азартнее, чем нестись

на высокой скорости по шоссе с Джоани и ее старшими сестрами.

– Ну-ка посмотри, что там в бардачке.

Я сразу же заметила черный конверт, притаившийся на пакете с документами. Судя по размеру, в нем вполне могли оказаться билеты в тематический парк «Юниверсал Студиос» или на концерт в «Голливуд-боул», но Билли никогда не дарил ничего напрямую. Так ведь неинтересно. Мне предстояло найти все улики, чтобы заслужить подарок.

Я открыла конверт и прочитала вслух загадку: *«Мой флаг красного, белого и синего цвета, но я не твоя родина. Возможно, ты решишь, что это lozh, – я не знала, как произносится это слово, – но моя ближайшая к Америке точка находится всего в четырех километрах от американской земли»*.

– Франция? – предположила я. Билли посмотрел на меня с сомнением. – Канада?

– В канадском флаге только красный и белый. Но уже теплее, точнее, холодно, очень холодно.

– Россия? – спросила я неуверенно.

– Верно! – ответил он с русским акцентом.

– Мы едем в Россию? Там землетрясение? – Я представила, как мы с Билли в шапках-ушанках пробираемся сквозь снег, чтобы оценить повреждения в городке из далекой русской глубинки.

– Твоя мама бы голову мне за такое свернула, – усмехнулся он.

Как только Билли упомянул маму, мы замолчали на некоторое время. Я знала: в тот момент мы оба вспомнили, как наши взгляды пересеклись в ту самую ночь, во время их ссоры.

– У вас с мамой все в порядке?

– Ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться.

Он снова замолчал, потом принялся что-то рассказывать, но уже через мгновение мы вновь притихли и молчали до тех пор, пока Билли не подъехал к остановке у дряхлого здания на Венецианском бульваре.

– А теперь попробуем решить загадку.

– Мы уже приехали? – спросила я, подсчитывая заколоченные окна на фронтоне. Обычно загадки дяди Билли приводили меня к большим паркам, вершинам гор и уединенным пляжам.

– Verno! – Он выпрыгнул из машины и кивком указал мне на стальную входную дверь. Дверь была не заперта, и он придержал ее для меня.

– А нам можно сюда? – Я замешкалась, вглядываясь из-за его спины в темноту помещения. – Тут как будто закрыто.

– Сегодня действительно закрыто, но управляющий у меня в долгу. Куда веселее, когда весь музей в твоём распоряжении, не думаешь? – Он зашел в здание и жестом пригласил внутрь. – Доверься мне.

Доверься мне. Его заклинание. И я всегда слушалась.

В помещении тускло светили лампы. Вдоль строгих стен

выстроились витрины. Из спрятанных динамиков негромко звучала опера. На одной из витрин стояли чучела летучих мышей, кротов и прочих маленьких грызунов. На другой витрине мерцали драгоценные камни.

– Это место смоделировано с причудливых музеев XIX века, – объяснил Билли. – Здесь представлены необычные экспонаты из сфер науки, искусства и естествознания. Специально для разносторонних людей. Так называемая *кунсткамера*.

Кунсткамера. Я повторила это слово, предвкушая его магическое воздействие. Взгляд Билли остановился на витрине в дальнем углу комнаты. Ее заполняли миниатюрные статуэтки: разукрашенные слоны, клоуны, инспектор манежа и акробаты. На ящике виднелась надпись: «*Русский цирк*».

Я внимательно изучила содержимое витрины, высматривая что-то, что могло скрыться от моего внимания. Возможно, какая-нибудь статуэтка, выделяющаяся из общей картины, или загадка, нацарапанная под цирковым куполом. Как и следовало ожидать, следующая подсказка была приклеена к дальней стенке ящика.

«Как и материал из моего имени, мое название звучит неброско, но благородно. Меня так зовут не из-за грубой шерсти, а в честь истока реки в Нортумберленде».

Билли засмеялся, увидев мой недоуменный взгляд. Он взъерошил мне волосы и пошел в следующую комнату. Она поразила меня своим размером в той же степени, что и

предыдущая комната своей строгостью и пустотой. На стенах в вычурных рамах висели картины с собаками, очень детализированные. Еще там висел портрет человека – выцветшее изображение некого барона Твидмауса, бородатого мужчины в цилиндре. На табличке рядом с картиной можно было прочитать краткую историю жизни данного господина, шотландского предпринимателя и члена палаты общин.

– Согласно слухам, – загадочно заговорил Билли, – в 1858 году лорд Твидмаус посетил русский цирк, где его особенно впечатлило выступление овчарок. После представления он предложил инспектору манежа продать ему пару собак, но тот отказался, не желая разлучать труппу. Тогда, если верить рассказам, Твидмаус скупил всех собак сразу и занялся разведением этих овчарок, пока не получился ретривер.

Билли указал на ящик с документами, стоящий рядом с портретом.

– Открой его. Это часть выставки.

Я принялась копаться в многочисленных репродукциях бумаг барона Твидмауса, уже предчувствуя, куда это меня заведет. Вот что мне нравилось в приключениях с Билли: даже если я заранее угадывала, чем кончится квест, он все равно не позволял торопиться с финалом. Билли остановил меня, когда я достала записи барона о разведении собак.

– Историки нашли эти записи в 1950-х и поняли, что вся эта история с русским цирком оказалась мифом. – Билли указал на описание острого нюха ретривера. – Видишь? Ре-

триверов использовали для охоты еще до 1858 года, поэтому лорд Твидмаус не мог вывести эту породу, разводя русских овчарок. – Билли провел пальцем вниз по странице, прослеживая родословную собак Твидмауса. – Вместо этого он разводил уже имеющихся у него ретриверов, чтобы вывести идеального компаньона для охоты.

– Это то, о чем я думаю? – Я пританцовывала так, словно мне надо было в туалет.

– Зависит от того, о чем ты думаешь.

Я перевернула записи и нашла следующую улику на обратной стороне бумаги.

«Не называй меня красавицей, богиней, самой хорошенькой из всех. Тебе, наверное, кажется, что эти клички звучат одинаково, но только одна из них имеет отношение к истории».

Я изучила каждую карточку, пока не нашла портрет водяного спаниеля по кличке Белль. Рядом с ней имелась записка с пояснением, что Белль свели с Наус, желтым ретривером, дабы вывести золотистого ретривера.

– Не может быть! – закричала я. – Этого не может быть!

Я не переставала прыгать и обнимать Билли, выкрикивая вразнобой какую-то ерунду.

– Ну-ну, не все так очевидно, – предупредил он. – Сначала ты должна ее найти.

Я рыскала по комнате в поисках конверта, в котором могла бы притаиться следующая улика. Фотография современ-

ного золотистого ретривера висела на дальней стене, между изображениями его прародителей. Она сильно выделялась своей простой черной рамкой. Я просунула руку в отверстие между фотографией и рамкой и достала карточку. На ней был написан адрес на бульваре Калвер.

Выбежав из здания, не дожидаясь, пока мои глаза привыкнут к свету, я устремилась вниз по бульвару, мимо дряхлых фронтонов и автомастерских.

– Миранда, притормози, – крикнул Билли, тяжело дыша и пытаясь нагнать меня.

Я остановилась на светофоре между Венецианским бульваром и бульваром Калвер, но продолжала прыгать с одной ноги на другую, словно спортсмен, который поддерживает ритм сердцебиения.

– Собака, собака, собака, собака, – повторяла я.

Загорелся зеленый, и я пулей помчалась на другую сторону улицы.

Билли не прекращал смеяться, пока мы бежали мимо знаменитого старого отеля, а затем и мимо ресторанов, расположившихся вдоль улицы. Моя цель находилась в нескольких кварталах от меня – зоомагазин, где продавали волнистых попугайчиков.

– Хозяин, кстати, разводит и золотистых ретриверов, – объяснил Билли, переводя дыхание.

В магазине чувствовался едва уловимый запах орехов. Высокий, лысеющий мужчина стоял за кассой и читал газету.

Увидев нас, он исчез под прилавком и поднялся с маленьким ретривером. Я аккуратно взяла собаку из его рук. От щенка исходили тепло и запах сена. Поначалу он был сонным, но стоило прижать его к груди и потереться щекой о мягкую шерстку, как он оживился и принялся облизывать мое лицо. Я старалась крепко держать собаку, но щенок, подвижный и восторженный, все время норовил вырваться из объятий. Хозяин магазина предложил отпустить его побегать по комнате. Мы смотрели, как он обнюхивал пыльные уголки и бросался на металлические птичьи клетки. Билли не убирал руки с моих плеч, а мне хотелось закричать во весь голос, что он стопроцентно, абсолютно точно мой самый любимый человек на свете.

Однако в следующий миг я вспомнила о маме.

– Ты говорил с мамой? Как она к этому отнесется?

Билли поднял щенка с пола и рассмеялся, когда тот резко потянулся к его лицу.

– Ну как твоя мама сможет отказать такой мордашке?

– Серьезно, дядя Билли. Она против животных.

– Но ты же хочешь собаку, верно?

– Больше всего на свете.

Билли опустил щенка обратно на пол и приобнял меня.

– Твоей маме иногда нужно помочь открыть глаза на некоторые вещи. Как только она увидит, как сильно ты хочешь собаку, она не сможет отказать. Доверься мне, хорошо?

Вот только в этот раз его заклинание не сработало. Мне

не стоило соглашаться. Мама бы никогда не разрешила оставить щенка. Но мне хотелось верить в силу Билли, в его суперспособность решать проблемы, просто потому что он обещал, что все будет хорошо.

Я хотела, чтобы мама тоже в это верила.

* * *

– Джоани обзавидуется, – злорадствовала я по пути домой. – Щенок! Настоящий щенок! Дядя Билли, это лучший подарок в моей жизни.

Мы остановились у моего дома. Билли держал ретривера, пока я выгружала все необходимое для ухода за щенком с заднего сиденья. Когда я подошла, чтобы забрать собаку, дядя не шелохнулся.

С неожиданно серьезным выражением лица он чесал щенка за ушком.

– Прости за ту сцену с твоей мамой.

– Ничего страшного, – пробормотала я.

– Нет, это важно, – настоял Билли. Щенок вовсю ерзал, норовя выпрыгнуть из его рук. – У нас с твоей мамой случаются разногласия, но ты должна знать, что твоей вины здесь нет.

Мне безумно хотелось забрать щенка и побежать домой, хотелось прекратить разговоры, но дядя стоял на своем. К тому же, пока он не пустился в рассуждения, мне и в голову

не приходило, что я могу быть в чем-то виновата.

– Главное, держи щенка подальше от маминой обуви, и мама не сможет отказать. – Билли отдал мне собаку. – Скоро увидимся.

Мне вдруг показалось, что эти слова заслуживают доверия больше, чем пугающий наказ, прозвучавший ранее.

Скоро мы увидим Билли! И все будет хорошо.

– Мама! – закричала я, примчавшись домой. – Мам, беги скорее сюда! Ты не поверишь, что подарил Билли.

Мама вышла из спальни и остановилась в проходе у лестницы. На ней висел все то же халат. Под глазами залегли темные круги.

– Господи, Миранда! – Она схватилась за сердце. – Ты меня напугала. Я подумала, что-то случилось.

– Смотри!

Я подняла собаку.

Мама застыла, смотря то на меня, то на визжащего щенка.

– Мы не можем его оставить, – наконец, рассудила она, спустилась по лестнице и забрала ретривера из моих рук. – Мы сейчас же его вернем.

– Но вы с ней даже не познакомились! – Собака принялась облизывать мамино лицо. – Видишь, она же милашка!

– Дело не в этом, ты же знаешь.

Щенок продолжал лаять.

– Я подумала, ты увидишь ее и сразу передумаешь.

– Миранда, мы это уже проходили. У нас нет времени на

собаку.

– Я сама буду о ней заботиться. Тебе не придется ничего делать!

– Это слишком ответственный шаг.

– Я уже не ребенок! Я и без тебя знаю, что требует ответственности.

Мой тон поразил нас обеих. Мама дождалась, пока я успокоюсь. Когда стало ясно, что каждый останется при своем мнении, я в ярости ушла в свою комнату, прокричав напоследок:

– Ты никогда ничего не разрешаешь!

Я прекрасно понимала, что слишком драматизирую и веду себя, как эмоциональный подросток, но я все равно так сильно хлопнула дверь, что пол в моей спальне содрогнулся.

Мама решительно последовала за мной.

– Не смей хлопать дверь. – Ее голос оставался спокойным, но в янтарных глазах пылал гнев. – Ты нарушила правила. Ты знала: никаких собак в нашем доме. И не устраивай сцен.

Да, мама говорила правду, но в моем возрасте не имело значения, что есть правда, а что – ложь. Никто не смел мне что-либо запрещать.

– Где собака? – капризно поинтересовалась я, на что мама пробормотала:

– Черт.

Она спустилась на первый этаж и схватила щенка на руки.

– Миранда, – позвала она, – а где вы с Билли взяли его?

– Не скажу! – в ответ закричала я.

Ответа не последовало, и тогда я призналась:

– Зоомагазин в Калвер-Сити.

Я не сказала, что это был *птичий* магазин.

Как только мама уехала, забрав собаку, я позвонила Билли, желая рассказать о случившемся. Он не ответил на сотовый, потому я набрала ему на домашний.

– Ты не поверишь! – вскричала я после сигнала автоответчика. – Мама поехала возвращать собаку! Какая же она стерва!

Едва я повесила трубку, меня охватило неприятное чувство. Я никогда не называла маму стервой. Я громко воскликнула:

– Какая же ты стерва! – Затем повторила эти слова еще раз, надеясь восстановить справедливость, но легче не стало.

Весь день я просидела в комнате. Я слышала, как мама приехала домой, как папа вернулся из теннисного клуба. Я слышала, как они разговаривали на кухне. Мама рассказывала ему о произошедшем и наверняка надеялась, что он поднимется ко мне, дабы выступить в роли посредника-примирителя.

В 6.30 папа постучал в дверь.

– Я не голодная.

Папа зашел в комнату и сел рядом со мной на кровать.

– Знаю, ты расстроена. Но ведь мы уже много раз обсуждали эту тему. Сейчас не время для собаки.

– Полная хре... – Папа выразительно посмотрел на меня. – У вас всегда *не время*.

– Возможно. Но тебе надо отнестись к этому с пониманием, Мими. Мы семья. Мы принимаем решения вместе. Спускайся вниз и будем ужинать. И всем будет хорошо. – Он одобрительно кивнул: жест, который был прекрасно мне знаком. Я поступлю правильно. Я не разочарую его.

За столом мама молча ковыряла куриную грудку, так и не съев ни кусочка, а я пыталась придумать, что же ей сказать. Мне хотелось извиниться за то, что назвала ее стервой, хотя она не слышала этого.

В конце концов молчание нарушила мама:

– Прости за эту ссору. Билли не должен был ставить тебя в такое положение. Это нечестно.

Я разрезала кусочек курицы и принялась агрессивно его разжевывать. Значит, вот как она решила это выставить. Это не моя вина. Конечно, и не ее. Виноват во всем Билли. Он решил купить мне собаку, точно так же как он решил сделать все, в чем она его обвиняла ночью после моего дня рождения.

– Получается, это тоже выбор Билли? Хочешь сказать, я не должна винить *тебя*? – Никогда не забуду боль в ее глазах, когда она поняла, что я цитирую ее же слова из той подслушанной ссоры.

– Не нужно вообще никого ни в чем обвинять, – вмешался папа. – Каждому стоит взять ответственность за свои действия.

– Прости, что хлопнула дверью, – пробормотала я, но сказанного уже не вернуть. Мама кивнула, принимая мои извинения.

Принимая все, что нагрянуло к этому ужину.

* * *

Позже, тем же вечером, я снова позвонила Билли.

– С мамой все кончено, – закричала я в автоответчик. – Я никогда не прощу ее.

Билли не ответил на мое сообщение, и я пришла к выводу, что он решил не рисковать, в случае если на его обратный звонок ответит мама. Поэтому на следующий день я набрала его еще раз. Трубку он не взял, так что я сказала после сигнала автоответчика:

– Я позвоню тебе завтра ровно в 4.15. Ты должен быть дома в это время, чтобы мы могли поговорить.

Но на следующий день Билли опять не было.

Я знала только одно место, где бы у меня получилось его поймать, – «Книги Просперо».

Помимо работы с землетрясениями, Билли также владел книжным магазином, но не у себя в Пасадене, а в Силвер-Лейке в Лос-Анджелесе. Он говорил, что сейсмология

– его настоящая работа, а «Книги Просперо» – работа для души. Когда я спросила, почему бы не сделать работу для души основной работой, он ответил, что обязан защищать людей, потому что знал о землетрясениях намного больше остальных.

Зачастую, если Билли не водил меня по очередным квестам, мы приходили в «Книги Просперо», хотя этот магазинчик тоже был своего рода приключением. Мы гуляли по лабиринтам из книжных стеллажей, и Билли предлагал мне выбрать книгу, любую, но осознанно, потому что больше одной мне не дадут. Там я познакомилась с Аней из зеленых мезонинов, с Мэри Леннокс и совсем недавно с Кристи, Клавдией, Стейси и их друзьями из «Клуба няnek».

Мужской голос, но не голос Билли, ответил на звонок:

– «Книги Просперо» – магазинчик, где книги ценятся превыше герцогства.

Скорее всего, мне ответил менеджер Ли, но я не хотела болтать попусту и выслушивать, как это я до сих пор не прочитала «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет».

– Билли тут?

– По-моему, он в лаборатории. Но он вроде бы собирался приехать в воскресенье. Могу я передать ему сообщение?

Я положила трубку до того, как Ли понял, кто звонил.

До воскресенья оставалось еще пять дней. Я не могла так долго ждать, поэтому ночью, как только мама легла спать, а папа сел смотреть ночные новости, я попыталась еще раз

дозвониться до Билли.

– Билли? Это твоя любимая девочка, – жалобно сказала я автоответчику. – Ты получил мои сообщения? Мне очень надо поговорить.

Оставив еще несколько сообщений, я начала паниковать.

– Я старалась оставить собаку, – умоляла я в трубку. – Поверь мне! Я сделала все, что смогла! Но ты же знаешь маму. Знаешь, какая она. Пожалуйста, не злись. Перезвони мне.

Билли не отвечал, и к выходным стало ясно, что звонить бесполезно. Его молчание оказалось красноречивее слов. Билли не придет на воскресное барбекю, он вообще не придет в ближайшее время. И втягивать меня в различные приключения он тоже не будет.

Тогда я решила, что нужно встретиться с дядей вживую. Ну, не сможет же он выбросить меня из своей жизни, смотря мне прямо в глаза! Я знала, куда он пойдет в воскресенье: я найду его в «Книгах Просперо».

* * *

Джоани помогла составить маршрут. В Силвер-Лейк вело столько автострад, словно я собиралась поехать в Сан-Франциско. Маршрут автобуса пролегал через центральную улицу, вдоль бульвара Санта-Моника с конечной остановкой на Сансет-Джанкшен. Без пересадок. Если все пойдет по плану, то дорога займет часа полтора.

Маме я сказала, что останусь у Джоани, где за нами должны были следить ее старшие сестры, каждая из которых вечно сидела в своей комнате. Я множество раз ходила к ним в гости, и пока что все обходилось без происшествий, поэтому моя мама перестала звонить маме Джоани, чтобы убедиться, что она дома.

Джоани крепко обняла меня перед тем, как я зашла в автобус.

– Ты уверена, что все будет в порядке? И не забудь: выходишь через две остановки, после Вермонта.

– Спасибо, мам, – саркастично ответила я и получила в ответ смешную рожицу с высунутым языком.

В автобусе оказалось не так много людей, как я предполагала. Я прошла к свободному ряду и села у окна. На бульваре Санта-Моника мы попали в пробку, проезжая мимо Беверли-Хиллз к границе между мрачными кварталами Голливуда и Западным Голливудом. Я вышла у «Гипериона» и направилась к указателю у Сансет-Джанкшен, притворяясь, будто я дочь какого-нибудь художника или музыканта и выросла в Силвер-Лейке.

На крыше книжного магазинчика возвышалась табличка с изображением Просперо – в левой руке у него притаилась книга, а за спиной развевались седые волосы и пурпурный плащ. Я остановилась у фасада, вглядываясь в панорамное окно, заполненное книгами. По телу проступила дрожь, как случалось всегда, когда я видела желто-зеленые стены мага-

зина. С этим местом у меня была особая связь, даже если я приходила каждую неделю, каждый день. Билли больше никому не разрешал вот так выбирать книги, любые книги, бесплатно, будто они только и ждали своего читателя. Я распахнула дверь в полной уверенности, что сейчас увижу Билли и все будет хорошо.

«Книги Просперо» были небольшим магазинчиком, но с высоким стенами и вместительными полками, из-за чего помещение казалось обширным, даже просторным. Там даже пахло по-особенному, не так, как у Билли дома в Пасадене, и не так, как в других книжных. Грубый запах недавно сшитых страниц смешивался с парфюмом из белого мускуса, исходящего от уже знакомых мне девушек – постоянных посетительниц магазина, и одурманивающим ароматом кофе.

– Миранда? – удивился Ли, заметив меня в дверном проеме. – Какой приятный сюрприз! А Билли с тобой?

– Я думала, он здесь.

Кожаного портфеля не оказалось под рабочим креслом, а в кафетерии не стояла его кружка с разломом Сан-Андреас, калифорнийским шрамом.

Я чувствовала взгляд Ли, но старалась не смотреть ему в глаза, потому что боялась услышать ответ.

– Наверняка Билли уже в пути, – заверил меня Ли. – Сейчас я ему позвоню.

Ли поручил работнице кафетерия выдать мне все, что я захочу. Подмигнув, она протянула мне огромное шоколад-

ное печенье, будто то был огромный секрет между нами. Я взяла печенье и села за столик в дальнем углу, откуда не переставала смотреть на Ли, говорящего по телефону. Он поднял голову и смутился, заметив мой взгляд.

– Билли не сможет сегодня прийти, – сказал он, присев за мой столик. – Он попросил меня связаться с твоей мамой, так что она уже выехала.

– Ты позвонил моей маме?

В голове моментально забегали мысли: что бы соврать. Я захотела взять новую часть «Клуба нянек»? Папа разрешил? Какая же очевидная ложь! Мама разозлится еще сильнее. Я и так сказала, что буду у Джоани, а сама поехала на автобусе в Силвер-Лейк, хотя мне даже по нашему району разъезжать запрещалось. Более того, я решила встретиться с дядей, хотя прекрасно понимала, что они с мамой в ссоре. Я целиком и полностью послушалась ее. Мне не просто крышка. Меня можно было *похоронить*. Но и это еще не самое плохое. Что меня действительно ранило, так это то, что Билли не пожелал меня видеть. Я старалась сдерживать слезы. Мне уже двенадцать – почти подросток, почти взрослый человек! Я уже давно не ребенок, чтобы плакать.

– Ну, ты чего, – заботливо растянул Ли, заметив, что я плачу. – Давай-ка мы с тобой выберем какую-нибудь книжку. Хочешь?

– Хорошо, – ответила я, хотя не хотела ничего выбирать, никакую книгу, по крайней мере не с Ли.

Мы прошли к отделу подростковой литературы, где корешки книг переливались яркими цветами. Из-за слез названия расплывались. Ли показал мне несколько ужастиков – Р. Л. Стайна и Кристофера Пайка, что отличалось от той литературы, которую он обычно мне советовал. Я мотала головой на каждое его предложение. Мне всегда казалось, что к окончанию школы я прочту все книги в этом магазине, но теперь я не хотела притрагиваться ни к одной из них.

Ли нужно было позвонить клиенту, поэтому я вернулась к своему шоколадному печенью, так и не выбрав историю. Я разломала печенье на кусочки, потом раскрошила и их, не в состоянии даже съесть.

Люди освобождали и занимали столики вокруг меня. Ли все сидел за стойкой регистрации. Время от времени он вставал и осматривал кафе, чтобы убедиться, что я на месте. Начинало темнеть, и я боялась, что мама настолько разозлилась, что решила не забирать меня.

Казалось, прошло бесчисленное количество часов, прежде чем зазвенели дверные колокольчики. Я подняла голову, ожидая увидеть маму, встревоженно оглядывающуюся по сторонам. Заметив меня, она изменилась в лице. В ее глазах проскользнула тень облегчения.

Как только мы посмотрели друг на друга, я сразу же забыла об обиде и побежала к ней. В ее теплых объятиях, наслаждаясь сладким запахом сирени, исходящим от ее кожи, я чувствовала себя маленьким ребенком, и мне было плевать,

смотрел ли на нас кто-либо в этот момент.

– Прости меня.

Мама поцеловала меня в лоб.

– Я просто рада, что ты в порядке.

Внезапно я осознала, что мой план с самого начала был обречен на провал. Даже если бы я встретила Билли в «Книгах Просперо», это бы не изменило того факта, что он *не перезвонил мне*. Я винила во всем маму, но именно она приехала ко мне на помощь. А не Билли.

* * *

Весь путь до дома я ждала, что мама отчитает меня за глупый проступок, ведь в Силвер-Лейк очень опасно, и моя поездка могла обернуться чем-то страшным. Но вместо этого она спросила:

– А что, по-твоему, должно было произойти, если бы Билли был там?

Ее тон не показался мне озлобленным, скорее, любопытным.

– Не знаю, – призналась я. – Мне просто хочется, чтобы вы помирились.

– У взрослых не все так *просто*.

– Почему?

Она сжала руль.

– У нас с Билли сложные отношения.

– О чем ты? Что случилось той ночью, когда вы поругались?

Мама отвела взгляд от дороги и повернулась ко мне с более добрым и уже не таким напряженным выражением лица.

– Это слишком тяжело объяснить.

– Может, попробуешь? – Я задержала дыхание. Маме представилась возможность рассказать свое мнение об их ссоре. Я же намеревалась поверить всему, что она скажет о Билли, какой бы ужасной ни была правда.

Она прищурилась, пытаясь разглядеть движение на дороге.

– Ты слишком маленькая, чтобы понять.

Мама тепло улыбнулась, но лучше бы она нагрубила. Она боялась меня ранить, пыталась уберечь, но я не хотела бережного отношения к себе.

– Вы помиритесь?

– Честно говоря, не знаю.

Но она знала.

Что бы ни произошло между мамой и Билли, для них обоих это стало переломным моментом, после которого уже нельзя простить. Назад слов не вернешь. Они потеряли друг друга во время той ссоры. Или, возможно, они уже давно были потеряны. Я больше ничего не понимала. Единственное, в чем я не сомневалась ни секунды, так это в том, что теперь Билли потерял и меня. Я больше не желала быть *его любимой девочкой*. Я не хотела слышать, почему он отправил маму в

«Книги Просперо», почему не пришел встретить меня сам. Даже если бы он пришел в гости в следующее воскресенье, наши отношения уже не стали бы прежними.

Впрочем, оказалось, что мои желания не так уж много значат, ведь Билли не зашел к нам ни в следующее воскресенье, ни через выходные. Он больше не отвозил меня в «Книги Просперо» и не устраивал мне никаких приключений.

Еще много месяцев после его исчезновения я пыталась найти знаки его скорого приезда. Однако вместо улик, которые привели бы меня к Билли, я находила лишь следы его отсутствия. Тарелки из перегородчатой эмали, купленные дядей в Пекине, больше не красовались в гостиной. Фотографию со мной и Билли в океанариуме заменил снимок, где папа катает меня на качелях. Кексы из кубинской пекарни в Глендейле, которые Билли приносил в качестве угощения, когда приезжал в гости, перестали быть постоянным десертом на барбекю по воскресеньям.

Я прекратила поиски Билли только к тому моменту, когда перешла в старшую школу. Он превратился в призрака из прошлого, семейную тайну. Стал кем-то, кого я почти забыла. Я не думала о нем около десяти лет, как вдруг он вернулся. Правда, к тому моменту он уже был мертв.

Но его смерть – не конец истории, а только начало.

Глава 2

Я всегда знала, что Билли вернется ко мне в виде загадки. Правда, даже не представляла, что это займет у него шестнадцать лет.

К тому моменту мне уже исполнилось двадцать семь лет, и я жила в Филадельфии, будучи увлеченным, *если не сказать чрезмерно*, учителем истории у восьмых классов. Я только переехала к своему парню, который тоже вел историю в восьмом классе в той же школе, и пыталась прощупать почву совместной жизни. Учебный год недавно закончился, контрольные работы по темам: «Прокламация об освобождении рабов» или «Подземная железная дорога» были проверены, а результаты – донесены до учеников. Годовые оценки я уже выставила и надеялась, что родителей устроили результаты, ведь тогда мы официально уходили в летний отпуск. Джей настоял, чтобы мы устроили вечеринку. Вечеринку по случаю *новоселья*, хотя он жил в этой квартире уже шестой год, и единственной новой деталью оказалось мое появление.

Джей вознамерился поехать за выпивкой по такому случаю. В нескольких кварталах от нашего дома находился государственный магазин, но Джей решил потратить полчаса, дабы добраться в Делавэр и купить там виски и водку по низкой цене без налога.

– Ты же потратишь на бензин столько же, сколько сэконо-

мишь на скидке! – пыталась вразумить его я, пока он носился по гостиной в поисках ключей.

– Это принцип. – Он просунул руку между подушками на диване, но обнаружил там только крошки от чипсов и липкие ворсинки, которые он сложил на журнальный столик.

– Какая мерзость, – констатировала я очевидный факт. Джей послал мне воздушный поцелуй и продолжил исследовать диван. Ключи быстро нашлись, и он победно покрутил их на пальце.

– Ты же знаешь, что у дверей висит крючок как раз для того, чтобы они не терялись. – Я мотнула головой на металлический крючок с птичкой – мой единственный вклад в интерьер квартиры.

– Так вот зачем он здесь? – усмехнулся Джей, притянув меня на диван. Он посадил меня к себе на колени и поцеловал в шею и щеку. Я представила, как он закупается алкоголем в магазине Делавэра, и тележка постепенно наполняется бутылками – ровно столько, сколько нужно, чтобы довести до беспамятства каждого на вечеринке.

– Мы могли бы уехать из города на выходные, засесть в какой-нибудь хижине в Вермонте и спрятаться ото всех.

Джей убрал руки, но я продолжила сидеть у него на коленях.

– А мне казалось, ты хотела закатить вечеринку, – вздохнул он.

Я пожала плечами. Это *Джей* хотел закатить вечеринку.

Я же хотела, чтобы мне *хотелось* закатить вечеринку, но я редко посещала тусовки до рассвета. Еще реже я их устраивала, а ведь именно это мы и планировали.

– Я лишь сказала, что мы можем что-то устроить.

Джей заставил меня встать и положил кошелек с ключами в задний карман.

– Будет весело, – пообещал он, поцеловав меня перед выходом.

Мы жили вместе уже три месяца, но я все еще не могла назвать квартиру Джея своей, хотя в шкафах лежала моя одежда, а в пустом холодильнике появились мой йогурт и моя запеченная курица. Квартира была обставлена его мамой в стиле, который, по ее мнению, должен соответствовать парню двадцати с лишним лет: темный диван с незаметными пятнами, кожаные кресла, которые, к счастью, не откидывались. На одной из стен висел телевизор, а на других притаились тусклые абстрактные картины.

То небольшое, что принадлежало мне, хранилось в небольшом гараже: антикварный комод – единственное, что я не продала из своего спального гарнитура, каменный журнальный столик, купленный мамой в семидесятых в Нью-Йорке. Несколько обрамленных в рамку гравюр из Музея изобразительного искусства, которые явно не стоили борьбы за право красоваться на стенах моего нового дома. Джей не был в восторге от живописи, выбранной его мамой, но она бы обиделась, если бы мы сняли картины, приобретенные у дру-

зей-художников. Джей говорил, что лучше оставить все как есть и не вмешиваться. Мне было интересно, каково это – жить в постоянном страхе расстроить свою маму.

Я лениво прошла на кухню, чтобы протереть столешницы, куда мы собирались поставить ящики с алкоголем. Моя почта лежала хаотичной грудой возле холодильника: в основном счета и приглашения на занятия по йоге. Но имелись также две благодарственные открытки от моих учеников, в которых небрежным почерком ребята признавались, что я их самый любимый учитель и они никогда не забудут поездку в типографию Франклина. Рядом с открытками я нашла плотный конверт, на передней стороне которого аккуратным почерком было написано мое имя – Миранда Брукс – намного изящнее, чем если бы писала я. Обратного адреса я не увидела, но почтовый штемпель оказался из Лос-Анджелеса. Я прощупала конверт. Что-то твердое и квадратное – очевидно, книга. Наверное, опять сюрприз от мамы, хотя почерк не ее. Она постоянно что-то мне присылала, таким образом компенсируя свою грусть оттого, что ее единственный ребенок решил переехать на другой конец страны. Она прислала кулинарную книгу с рецептами, слишком мудреными, чтобы я взялась за них, пособие с советами, как бюджетно обставить квартиру, ведь, по ее мнению, после того как мы с Джейм съехались, интерьер дома стал нашей общей заботой.

Я распечатала пакет и достала книгу в мягком переплете, завернутую в атласную изумрудную бумагу, с открыткой,

прикрепленной к лицевой стороне. Разорвав бумагу, я поняла, что держу в руках пьесу, которую знала наизусть. «Буря». Мама назвала меня в честь Миранды – в ее представлении самая светлая и прекрасная девушка во всей мировой литературе. На обложке книги огромная волна норвила захлестнуть судно, что везло короля и его свиту, включая брата Просперо, Антонио, домой со свадьбы принцессы. Мама часто присылала экземпляры с моей тезкой, когда находила их на аукционах и в антикварных магазинах. Редкое издание с сусальным золотом. Иллюстрированная версия из пятидесятих. Миниатюрная копия в форме подвески или брошки. А тут вдруг обычный мягкий переплет, каких тысячи. Подарок не в мамином стиле. Но только кто еще мог прислать мне эту посылку, если не она?

Я достала поздравительную открытку. На лицевой стороне была нарисована блондинка, которая нежилась на берегу и счастливо улыбалась. Ее глаза прятались за солнцезащитными очками, а короткие волосы развевал легкий ветерок. Посреди безоблачного неба виднелась надпись «Малибу, Калифорния», такая же белоснежная и блестящая, как и зубы этой блондиночки.

Текст внутри открытки не особо прояснил ситуацию.
«Понимание готовит нас к будущему».

И все. Никакого «привета от старого друга, о котором ты совершенно забыла». Или: «Это ассоциируется у меня с тобой. С любовью, тайный обожатель». Никаких отсылок к об-

реченному королевскому судну, нарисованному на передней стороне пьесы, к Просперо и его заколдованному острову. Только тяжелые слова, написанные такими темными чернилами, что казалось, они до сих пор не высохли.

Понимание готовит нас к будущему. Я уже где-то слышала это выражение. Может, от папы? Он вполне мог забыть написать свое имя на конверте. Вот если бы внутри оказалась пословица о трудолюбии или цитата Рузвельта, я бы решила, что открытка от него. Но эти слова не вписывались в формат его обычных отцовских советов. К тому же папа все-таки чаще приписывал свое имя к любому подарку, который покупала мама. Возможно, это была строчка из какой-нибудь песни, банальщина из печенья с предсказаниями или же фраза из нью-эйдж книг, которые Джоани, часто полушутя, цитировала. Только в моей голове слово «будущее» не звучало скрипящим голосом Джоани, а было нежной колыбелью. Ее пел глубокий, бархатный голос, от которого должно стать очень уютно, но вместо этого меня накрыла волна сожаления и пустоты.

Возможно, незнакомец процитировал одну из реплик Просперо, хотя рука Шекспира не чувствовалась. И все-таки это было похоже на что-то, что Просперо мог сказать зрителям в своем финальном прощании. Я прошлась глазами по тексту. В эпилоге не оказалось подсказок, но во второй сцене пьесы, когда Просперо рассказал Миранде, как его брат вытащил их из Милана, кто-то выделил еще одну его фразу:

«Теперь настало время и ты должна знать более. Дай руку и помоги мне снять волшебный плащ. Покойся здесь, ты символ чар моих.

*Садись и слушай – узнать о многом ты должна».*¹

Узнать о многом ты должна. Понимание готовит нас к будущему. Если бы не общий посыл, я бы решила, что выделенные строчки были просто пометками предыдущего владельца книги, но слова Просперо и фраза из открытки... они были связаны. Правда, я не догадывалась, как именно.

Я вбила слова из открытки в поисковик. Вылезло несколько сотен статей с размышлениями об образовании и религии. Ни одной дословной цитаты и никаких отсылок к «Буре». Насколько я понимала, эта фраза вообще не являлась афоризмом, и все же я была уверена, что слышала ее раньше.

Я спрятала книгу в шкафчик, а открытку приклеила к холодильнику, надеясь, что сцена на пляже освежит мою память. Счастливое лицо женщины наблюдало за мной, пока я протирала стол, и хотя ее глаза скрывались за оправой очков, они все равно следили за мной.

Я подняла голову, ожидая, что выражение ее лица изменится, но, разумеется, ничего подобного не случилось, и все-таки после нескольких взглядов на ее небрежную прическу и белоснежную улыбку мне начало казаться, что ей известно что-то, о чем не знаю я.

¹ Перевод Н. М. Сатина.

К вечеру наша квартира была готова к празднику. Пришли несколько наших коллег, друг Джея, с которым он играл в футбол, и мои университетские друзья. Они принесли салаты, кускус, курицу и торт.

Мы устроились на полу гостиной, поставив перед собой по бокалу вина, а на колени положили бумажные тарелки. Все оживленно болтали. Именно такая вечеринка была мне по душе: только близкие друзья, только те, чье присутствие казалось мне чем-то само собой разумеющимся. Я села между Джемом и учителем рисования. Джей тренировал школьную команду по футболу и стал учителем истории относительно недавно, когда декретный отпуск нашей коллеги Анны затянулся. До того, как он вступил в наши ряды, я видела его лишь на расстоянии, знала, как выглядит его накачанное тело, как громко раздается звук свистка, когда он привлекает внимание своих учеников. Джей выглядел как типичный красавчик из старшей школы, но была в нем какая-то притягательная энергия, которая заставляла всех учительниц – молодых и пожилых – хихикать, когда он здоровался с ними. Он обладал такой сильной харизмой, что все очень хотели, чтобы он остался в школе, поэтому ему предложили должность учителя истории США у восьмого класса, хотя он окончил экономический факультет и никогда раньше не пре-

подавал. Мне поручили ввести его в курс дела, что включало в себя больше уроков по истории, чем я могла предположить. Мы проводили вечера и выходные, изучая федералистов и Джефферсоновских республиканцев, спорные выборы 1800 года, дуэль между Гамильтоном и Берром. Он глупо улыбался, когда я объясняла ему, что раньше кандидаты сами принимали решения, а тот, кто занимал второе место, вне зависимости от партии, становился вице-президентом. Я сделала замечание, что он не слушает, а он сказал: «Ты так увлеченно рассказываешь. Это очень мило».

Я небрежно усмехнулась, а через некоторое время наше общение привело к чему-то большему.

Я фантазировала, как же будет романтично обращаться друг к другу в коридоре школы как учитель Миранда и учитель Джей, будто мы никогда не видели друг друга голыми. Правда, уже очень скоро это превратилось в привычку. Оказалось, Джей – это не просто груды мышц и привлекательная улыбка. Он говорил о футболе так, словно тот являл собой искусство, метафору к жизни. Он знал всех в его – уже нашем – районе, помогал пожилой миссис Петерс поднимать пакеты в ее квартиру на третьем этаже, выгуливал собачку его друга Тренора, когда Тревор не успевал вовремя вернуться с работы. Он был в хороших отношениях со своими родителями, всегда сохранял терпение со своей мамой, говорил, как ему нравятся рубашки, которые она ему покупала, хотя они пылились в шкафу, и вешал ее безвкусные картины на

стены своей – уже нашей – квартиры. Также он близко общался со своей сестрой, поселившейся в нескольких кварталах от нас. В данный момент она сидела напротив и флиртовала с моим университетским другом, попутно кидая на нас неуверенные взгляды, ведь ей никак не удавалось привыкнуть к нашим отношениям.

– Как прошел последний учебный день? – спросила я Джея. Я не хотела говорить о школе, но я все еще плохо представляла, как вести себя с ним на публике. Мы проводили столько времени наедине, что мне приходилось напоминать себе: «Ты не можешь наброситься на него при окружающих». А еще я не могла ожидать от него открытого проявления чувств, ведь знала, что это наверняка его смутит.

Джей принялся описывать последний рабочий день: он провел увлекательную игру под названием «Убийство», что понравилось ученикам явно больше, чем мой урок по Аврааму Линкольну. В этом и заключалась разница между нами: он знал, как завоевать их сердца. Я же знала, как научить их чему-то, что сейчас для них не представляло ценности, но, возможно, понадобится чуть позже. По крайней мере, я на это надеялась, а слепая надежда – важная составляющая в работе учителя.

Джей потянулся к пряди моих волос, и я поцеловала его в щеку, пытаясь понять, каково проявлять чувства перед друзьями и коллегами. Этот поцелуй был равен смене статуса на «Фейсбуке» – открытое заявление, которое можно отме-

нить, но нельзя выкинуть из памяти.

К одиннадцати подтянулись случайные знакомые – друзья друзей наших друзей, но Джей здоровался со всеми. Он дал пять парням в бейсболках, обнимался с девушками в ярких тесных майках, которых я видела впервые. Я могла представить, что он обсуждал с этими высокими, мускулистыми ребятами. Наверняка подробности воскресного матча футбольной лиги и разочарование по поводу последнего поражения «Филлис». Но вот о чем он говорил с этими девушками? Вопрос хороший. Я старалась не слишком открыто смотреть на них, но сестра Джея все равно заметила мой пристальный взгляд. С ее губ сорвалась недвусмысленная усмешка.

Квартиру заполняло все больше и больше незнакомцев. Становилось невыносимо душно. Кто-то так громко включил стерео, что грохот перебивал мысли и слова. Я стояла рядом с Джейм, прислонившись к стене, наблюдая за толпой ярко одетых девчонок, грациознодвигающихся под электронный бит. Гости врезались друг в друга по ходу танца, проливая пиво на паркет. От Джея исходило желание, и мне тоже хотелось раствориться в нем, превратить уголок гостиной в наше личное логово. Джей стукнул ногой по плинтусу и пригласил меня потанцевать.

Мы подошли к группе девушек, элегантно танцующих в такт музыке. Я тоже пыталась быть элегантной, но мой мозг отказывался подчиняться, а ноги отказывались двигаться, и, так как Джей тоже оказался паршивым танцором, мы гром-

ко смеялись, прекрасно понимая, что ужасно выглядим со стороны. Джей подходил ко мне все ближе, я медленно тянулась к нему руками, и, наконец, наши желания абсолютно совпали.

Внезапно в моем кармане завибрировал телефон. Я бы проигнорировала звонок, но домофон в нашу квартиру работал с перебоями, несмотря на бесчисленные звонки управляющему с просьбой починить его, а мне не хотелось бы, чтобы кто-либо из наших друзей застрял на улице. Когда я увидела, что звонок от мамы, я сразу же поняла: что-то случилось. Я разговаривала с ней этим утром. Она дала мне рецепт свежесжатого «Браун Дерби», а мне не хватило смелости признаться, что нам с друзьями хватит и дешевого пива. Мы часто созванивались по несколько раз в день, но она бы никогда не позвонила посреди вечеринки. Только в крайних случаях.

Я показала телефон Джейу, чтобы он увидел, кто звонит, и мы объяснились жестами. Парень пожал плечами, спрашивая, все ли в порядке, а я подавила растущее беспокойство и предупредила его, что поговорю на улице.

По дороге к выходу мне пришлось пробраться сквозь большой поток людей.

- Что такое? – спросила я, вырвавшись на крыльцо.
- Прости, что прерываю вечеринку.
- Все в порядке? – Я села на верхнюю ступеньку.
- Я решила, что тебе стоит знать. Мне показалось непра-

вильным скрывать от тебя такое, поэтому я подумала...

– Мам, что случилось? Ты пугаешь меня.

– Мне только что позвонили. Это Билли.

Весь алкоголь в моем организме ударил в голову. Билли. Дядя Билли. Мир внезапно закружился. Я не могла вспомнить, когда в последний раз мама упоминала его имя. Я не могла вспомнить, когда в последний раз я сама вспоминала о нем.

Я заранее предчувствовала плохое, но все-таки ждала ее слов.

– Он... он умер. Сегодня днем, – сказала она отвлеченно, будто выпила успокоительное, что, возможно, и было правдой. Ее голос казался мне неестественно спокойным.

В моем туманном сознании всплыл образ Билли: вот он сидит за рулем своей машины в тот самый последний день. Он улыбнулся, отъезжая от дома, но его улыбка была слишком широкой, беспокойной. Я пыталась припомнить более радостный момент: тот день, когда он купил мне собаку и светился от счастья, или то мгновение, когда я отгадала одну из его загадок. Но вместо этого я упрямо видела его натянутую улыбку в тот самый миг, когда он махнул мне на прощание, не сумев спрятать от меня свою печаль.

– Боже, мам. – Я не знала, что сказать.

Каково ей сейчас? Да, они не общались шестнадцать лет, но наверняка она была разбита.

– Не хочу отвлекать тебя от вечеринки.

– Это всего лишь вечеринка.

– Веселись. Поговорим чуть позже, хорошо?

– Мам, – воскликнула я, пока она не повесила трубку. –

Соболезную.

– Я тоже соболезную.

Я осталась на крыльце и смотрела в телефон, и ее номер мерцал еще пару мгновений, а затем исчез. Ночь была душевной. Спустя девять лет в Филадельфии я никак не могла привыкнуть к влажности и жаре даже после захода солнца.

Я вспомнила наш последний разговор о Билли. Мама сказала, что они вряд ли помирятся.

Так и случилось: они не простили друг друга.

Мне стоило давным-давно разузнать правду, но мама ясно дала понять, что теперь Билли – призрак, и нам нельзя говорить о поездках в Темескал Каньон, куда мы часто забирались втроем, или о живописных пляжах в Малибу, его любимых. В конечном итоге я подчинилась, забыла его, но все равно сейчас чувствовала острую боль от потери.

И мама тоже ее чувствовала. Несомненно.

Звук шагов Джея усиливался по мере того, как он подходил к двери. Мне было легче от осознания, что он пришел за мной, но я не была готова разделить с ним этот момент.

– Эй, – сказал он, бросив лукавую ухмылку, от которой обычно подкашивались ноги. Правда, на сей раз у меня лишь сильнее закружилась голова. Улыбка быстро исчезла с лица Джея. Он прислонился к дверному проему, будто позируя

для каталога с городскими фотосессиями. – Что случилось?

– Мой дядя умер.

– Черт. – Джей присел на ступеньку и прижал меня к себе. – Может, прогнать всех?

– Нет, я не хочу, чтобы кто-то узнал. Просто... я не видела его лет шестнадцать. Поверить не могу, что он мертв.

Даже когда я произнесла это вслух, правда все равно не показалась мне реальной.

– Я могу запустить пожарную сигнализацию, зажгу спичку под разбрызгивателями. И все уйдут.

– У нас нет разбрызгивателей, – усмехнулась я.

– Хорошо. Тогда, может, пожар в мусорке? Это неопасно.

Я напряженно улыбнулась.

– Пожалуйста, не надо поджигать нашу квартиру. Seriously, не хочу сейчас об этом думать.

Мои слова Джея не убедили, но он поднял меня с крыльца и повел наверх. Перед тем, как мы зашли в дом, он обнял меня за талию и прошептал:

– Одно слово – и они уйдут.

Когда мы вернулись в квартиру, один из друзей Джея позвал его покурить с ребятами. На стенах проступала влага. Диван и журнальный столик отодвинули к стене, освободив место для танцев. Мой давний сосед по комнате заметил меня с другого конца гостиной и потащил на танцпол, где тела сбивались в парочки, кружась под музыку и переплетаясь конечностями.

Я не могла забыть Билли, квесты, которые он устраивал на заднем дворе, наши приключения в парках и на пляжах Лос-Анджелеса, подарки, которые он привозил издалека – южноамериканские украшения из бисера и электронику из Японии. Мне ужасно хотелось узнать, что случилось с этими подарками. Лежали ли они все еще в родительском доме или же мама выкинула их много лет назад?

Неожиданно рядом оказался Джей. Он обнял меня за талию и медленно задвигался в такт музыке, но я никак не могла попасть в ритм, слыша в голове голос мамы:

– Я тоже соболезнаю.

Как же быстро она повесила трубку, чтобы не взваливать на меня глубину своего горя.

Джей исчез так же внезапно, как появился. Он поспешил в дальний угол, где ребята уже собрались вокруг чего-то разбитого. Я пыталась повторять движения танцующих, но ноги налились свинцом. Джей наклонился и поднял упавший предмет, а потом бережно отнес его в спальню. Песня закончилась, но парочки вокруг меня продолжали двигаться под ритм пьяных разговоров. Я закрыла глаза и увидела Билли, его растерянную улыбку. Как он называл меня в детстве? Моя особенная девочка? Нет.

Моя любимая девочка.

– А вот и моя любимая девочка, – говорил он и увозил меня на очередную авантюру.

Снова заиграла музыка. Я постаралась раствориться в ритме вечера, но голову атаковали мысли о Билли, о его уроках геологии, биологии и эволюции, замаскированные под приключения. Он научил меня практически всему, что я знала о мире, о его изменениях, трудностях и развитии, о том, как наша жизнь складывается, а земля вращается на орбите. Я остановилась и открыла глаза. Конечно. Как же я сразу не додумалась. Мои ноги словно приросли к месту, но я с усилием делала шаги, отпихивая обнимающиеся парочки по пути на кухню. Блондинка на открытке все так же улыбалась с холодильника, но теперь я знала все, что знает она.

«Понимание готовит нас к будущему».

Это слова Билли. Он сказал их после моего первого землетрясения.

Глава 3

Утром следы вчерашнего праздника были похожи на театральные декорации: кружки хаотично разбросаны по полу гостиной, на подлокотнике дивана лежала фетровая шляпа, из динамиков стерео доносился приглушенный шум. Стояла жара, к влажному воздуху примешались запахи пролитого пива и сигаретных бычков.

– Пахнет, как в общеаге. – Джей резко закашлялся.

– Возможно. – Несмотря на то что в университете Пенсильвании было несколько общежитий, я предпочитала посиделки за бокалом вина с остальными членами исторического факультета. Мы выпивали, угадывая президентов и столицы штатов.

«Ты такой ботаник», – гордо произнес Джей, когда впервые услышал, на какие вечеринки я ходила в студенческие годы.

– Пойдем, ботаник, – кокетливо сказал он. – Куплю тебе перекусить.

Мы пошли в заведение, которое уже давно стало нашим постоянным местом. У столов возле тротуара толпились люди, но тусклый, прохладный зал был почти пуст.

Джей заказал две «Кровавые Мэри». От вида этой красной жидкости с проблескивающим перцем у меня резко заболел живот. Джей в несколько мгновений осушил свой ста-

кан и не спорил, когда я отдала ему свой. Несмотря на новость о смерти Билли и страшную головную боль из-за выпитого пива и короткого сна, я не могла избавиться от чувства беспокойного ожидания чего-то. Билли не просто так прислал посылку накануне своей смерти. Если я находила одну улику от Билли, значит, впереди меня поджидало куда больше загадок. Я достала открытку из сумки и выложила на стол. Джей вытер руки и аккуратно вытащил открытку из конверта.

– Я получила это вчера от моего дяди, – объяснила я.

– И что это значит? – спросил Джей, читая подпись.

– Эти же слова он сказал мне после моего первого землетрясения.

Тот вечер был одним из моих самых ярких воспоминаний. Родители ушли, а Билли остался сидеть со мной. Мы смотрели «Возвращение в страну Оз». Мне не разрешали смотреть этот фильм, но я не сказала об этом Билли. Впрочем, он и не задумывался, можно ли четырехлетнему ребенку наблюдать за шоковой терапией и демоническим Озом. Как только появился зловещий свет, я поняла, что меня ждет бессонная ночь. Когда Билли укладывал меня в постель, я попросила его не выключать свет, пусть тени от лампы и выстраивали на стене чудовищный образ короля Номов. Я металась и вертелась, и вскоре пол начал дрожать. На книжной полке задрезжали призовые кубки. Король Номов захватил мою комнату и превратил ее стены в каменных горгулий и гоблинов,

которые хотели меня съесть. Я закричала. Комнату не переставало трясти. Тогда я закричала еще сильнее. К моменту, когда пришел Билли, книжные полки прекратили шататься, но прислуга короля Номов все еще таилась в тених на стене.

Билли присел на край кровати и погладил меня по спине.

«Это просто небольшое землетрясение», – сказал он.

Дядя хотел включить свет, но лампочка перегорела. Он собрался уйти из комнаты, но я закричала, чтобы он остался.

«Я скоро вернусь. Хочу найти фонарик».

Тем не менее я все равно попросила его остаться, так что он передумал уходить и уселся рядом на моей узкой кровати. Каждый раз, когда я начинала засыпать, мне казалось, он вот-вот уйдет, и я вновь просила его остаться. В конце концов он наплевал на фонарик и заснул рядом со мной.

Утром, когда солнечный свет наполнил комнату, Билли ушел. Я искала следы землетрясения, но дядя оказался прав: оно было незначительным. Ничего не сломалось и не подвижилось.

Сладкий запах привел меня на кухню, где Билли лил жидкое тесто в сковородку, а мама переворачивала панкейки.

«Да ладно, – растянул Билли. – Точь-в-точь птица».

«Ты лучше о своей основной работе не забывай», – съязвила мама.

«Думаешь, можешь лучше?»

«Тебе такие соревнования не по зубам».

«Ну-ка, давай, сестренка».

Мама вылила тесто на сковородку, и Билли громко засмеялся.

«А что вы делаете?» – спросила я, и они одновременно повернулись.

«Делаем завтрак нашей любимой девочке», – ответил Билли, а затем поднял меня и перенес на руках к столу.

«Моя смелая девочка. Твое первое землетрясение».

Мама поцеловала меня в лоб и положила передо мной тарелку с панкейками, которые были сделаны в форме слов «Я герой».

Позже, тем же днем, Билли зашел ко мне в комнату с загадкой.

«Я просто участок земли, но в то же время развлечение. Я государственный объект, и меня можно найти в каждом округе», – прочитал он, разворачивая листок бумаги.

«Что?» – тут же поинтересовалась я.

«Уверен, ты знаешь, просто надо хорошо подумать».

Пока мы ехали в машине, я пыталась выпытать ответ.

«Куда мы пошли на твой день рождения?» – в конце концов спросил Билли, смотря на меня в зеркало заднего вида.

«В Диснейленд».

«А Диснейленд – это что? Кое-что с аттракционами... начинается на «п». Не знаешь? Пар...»

«Парк!» – закричала я.

Билли остановился у парка Малибу Блафс, у вывески, где был привязан очередной конверт. На нем значилось мое имя.

Внутри скрывалась новая загадка.

«Что является и фруктом, и цветом?»

«И что же?» – нетерпеливо спросила я.

«Лимон?»

«Нет!» – Я покачала головой.

«Может, виноград?»

«Нет!»

«А что же тогда?»

«Апельсин!»² – закричала я.

На ближайшем столике для пикника лежал апельсин. Под апельсином я нашла ножик и инструкцию, как срезать кожуру большими слоями. Билли придерживал мою руку, сжимающую рукоять, пока мы чистили фрукт.

«Представь, что каждый из этих кусков – плита».

Он держал в руках ошметок странной формы.

«Не та плита, на которой готовят, а тектоническая плита, которая составляет земную кору. Это мантия».

В правой руке он перекачивал очищенный апельсин.

«Нижняя мантия. Она жидкая, как и этот апельсин. А теперь посмотри на это».

Билли достал кусочек бумаги из сердцевины апельсина и развернул его.

Новая подсказка.

«Я самка оленя, но меня используют и при изготовлении пирога. Скорее всего, я тебе нравлюсь, когда со мной делают

² Orange – 1) апельсин; 2) оранжевый (англ.).

всякие смешные штуки».

Билли взглядом указал на дальний угол участка для пикника, где под скамейкой был спрятан контейнер «Плей-До»³. Мы вместе подняли крышку и нашли лист с инструкциями, сложенный на мяче с синим порошком.

Шаг первый: придайте «Плей-До» форму плоского круга.

Шаг второй: оберните его вокруг апельсина. Апельсин превратится в синий шар.

«Это верхняя мантия», – объяснил Билли.

Шаг третий: оберните кожуру вокруг «Плей-До». Будто пазл, ошметки кожуры приняли свою форму вокруг апельсина.

Билли медленно направил два куска друг к другу.

«Плиты находятся в постоянном движении. Они двигаются очень-очень медленно. Мы чувствуем их движение только во время землетрясений».

Две шкурки столкнулись, и синий «Плей-До» волнообразной конструкцией проскользнул между краями кожуры.

«Когда две плиты так сталкиваются, образуются горы и вулканы».

Он разделил кожуру, и синие волны расправились.

«Когда плиты расходятся, образуются трещины, из-за чего на суше появляются озера и реки».

Дядя потер две шкурки друг об друга, пока они не слиплись.

³ Дое – самка оленя, dough – тесто, оба слова произносятся как [доу] (англ.)..

«У плит неровные края, поэтому иногда они застревают. Эти края называют линиями разлома. Когда одна плита вот так закрывает другую, создается чудовищное давление».

Он продолжил тереть их, пока одна шкурка не проскользнула под другую.

«При сильном давлении они начинают скользить, и это один из способов образования землетрясения».

Четвертый и последний шаг приказывал забраться на самую высокую точку, которую мы могли найти. Я проследовала за Билли по крутому склону. На самой вершине нашему взору открылся Пеппердинский университет, расположившийся за Тихоокеанским шоссе. Я следила за пальцем Билли, который вырисовывал очертания Пеппердинского барьера и объяснял, как с течением времени барьер двигался к западу от того участка, где мы находились.

«Здесь произошло землетрясение?» – спросила я.

«Вдоль той же линии разлома».

«То есть землетрясение может случиться прямо здесь?» – Я собралась с духом перед грядущей тряской, но Билли лишь засмеялся.

«Ты можешь почувствовать еще толчки в ближайшие дни. Если это и произойдет, не забывай, что такого сильного землетрясения, как прошлой ночью, уже не будет».

Билли взял меня за плечи и посмотрел мне в глаза.

«Землетрясение нельзя остановить, но бояться нечего. После каждого землетрясения ученые вроде меня изучают

ущерб, чтобы люди строили достаточно стойкие здания и мосты, и в будущем поломок будет еще меньше».

«Значит, нам нужны землетрясения?»

«Можно и так сказать. Землетрясения необходимы, чтобы учиться. Понимание готовит нас к будущему. Помни это. Только так мы сможем обезопасить себя».

– Я тогда всю неделю ждала этих толчков, но так ничего и не почувствовала, – сказала я Джею. – Таким и был Билли. Он все превращал в приключение.

Джей отдал мне открытку.

– Не понимаю. Он умер, так зачем напоминать об этом сейчас?

Джей вытер уголок рта и взглянул на мою порцию, к которой я не притронулась. Он указал на яйца, и я кивнула, обменивая свою почти полную тарелку на его пустую.

– Он вновь устроил какое-то приключение.

Я залезла в сумку и вытащила «Бурю», открыла первый акт, вторую сцену, где Просперо рассказывает Миранде о своем прошлом. Я проследила указательным пальцем до выделенной строчки.

«Садись и слушай – узнать о многом ты должна».

– Только это и выделено.

Я рассказала историю Просперо Джею, как его жестокий брат, Антонио, предал его, захватив королевство Просперо, пока тот изучал волшебную науку. С подмогой короля Антонио изгнал Просперо и юную Миранду в море.

– Тебя назвали в честь персонажа из книг Шекспира? – удивился Джей.

– Разве ты не знал?

– «Буря» – не мой конек.

Он пролистал книгу, словно это был справочник с инструкцией по правилам поведения со мной.

– Итак, что именно твой дядя хотел тебе сказать?

– Когда мне было двенадцать, он сильно поссорился с моей мамой. Она в чем-то провинилась перед ним, по крайней мере, он так считал. Я точно не знаю. Думаю, он использует Просперо, чтобы рассказать мне о случившемся.

– Миранда, – тихо пробормотал Джей, – смерть близкого человека действительно сложное и непонятное явление...

– Ты это к чему? – Хотелось бы мне, чтобы мой вопрос не прозвучал так резко.

– Тебе не кажется, что, возможно, ты пытаешься придать какое-то особое значение смерти своего дяди? – Джей протянул руку и погладил меня по щеке. У него было сдержанное, но жалостливое выражение лица.

– Но я знаю моего дядю.

Хотя знала ли я его в действительности? Я не видела его шестнадцать лет. Я ничего не слышала о его жизни в эти годы: была ли у него семья, жил ли он и дальше в Пасадене? И все же эта открытка, «Буря»... Я чувствовала, что Билли хотел мне что-то сказать.

Официантка принесла счет, и Джей вытащил из кармана

несколько скомканных купюр, чтобы заплатить за нас обоих.

На улице нас атаковал влажный воздух. Мы остановились в дверном проеме, дав глазам привыкнуть к ослепляющему свету.

– А почему твоя мама поссорилась с дядей Билли? – спросил Джей.

– Он не пришел на мой день рождения, но, думаю, дело было не только в этом. Я просто понятия не имею, в чем именно.

– Твоя мама когда-нибудь рассказывала тебе, что случилось?

– Билли стал темой, которую мы никогда не обсуждали. Мы все притворились, будто его никогда и не существовало.

– Грустно это.

– Да, но так случилось.

У каждой семьи свои скелеты в шкафу. У нашей семьи тайной стал Билли. И не важно, грустно это было или нет.

– Ты рассказала маме об открытке?

Мне совершенно не нравился снисходительный тон в голосе Джея.

– Она от этого только сильнее расстроится.

– Но ты должна ей сказать.

– Пожалуйста, только не говори, как мне вести себя с моей мамой. Ты видел ее лишь однажды.

Когда мои родители приезжали в Филадельфию в последний раз, мы вчетвером пошли поужинать. Сидя за малень-

ким столиком, Джей с папой обсуждали бейсбол, а мы с мамой – концерты ее женской рок-группы в Саус Стрит в семидесятых. После ужина мы решили пройтись по мощеным улочкам старого города, и мама запела одну из своих песен, ту самую, что чуть не стала хитом в те годы. Она редко вспоминала о прошлом, но две бутылки бурбона, купленные с целью впечатлить Джея, сыграли свою роль. И пусть ее голос немного хрипел из-за алкоголя, он все равно оставался настолько нежным, что меня пробирали мурашки. Мы, да и остальные прохожие, остановились, чтобы поаплодировать ей.

Иными словами, Джей представлял мою маму именно такой – раскрепощенной женщиной, которая пила виски и пела, когда ей хотелось, но на самом деле моя мама была совсем другой, а в тот вечер она просто пыталась произвести хорошее впечатление.

Джей нахмурился, расстроенный из-за моих слов.

– Прости, я не хотел тебя обидеть.

Он прижал меня к себе, и я обняла его в ответ, стараясь не обращать внимания на гнетущее недовольство, что ссоры не будет.

Мы намеревались вернуться домой, но мне совсем не хотелось возвращаться в нашу грязную квартиру. Я сказала Джею, что прогуляюсь, а он притворился, что его не задело мое желание остаться наедине со своими мыслями.

На Уолнат Стрит я повернула к реке. От жаркого, сырого

воздуха капли пота стекали по моим щекам. Я присела на ступеньки главной площади и принялась наблюдать за тем, как люди катаются на роликах и бегают вдоль тропинки по набережной Делавэр. Достав телефон из кошелька, я ввела в поиск: «Билли Силвер, Лос-Анджелес, сейсмолог, некролог». Я не знала, что еще можно написать о нем, но этого оказалось достаточно для Los Feliz Ledger, которые уже этим утром опубликовали небольшой некролог о Билли. Там говорилось о смерти мистера Силвера, уроженца Лос-Анджелеса, сейсмолога и ученого, в полевых условиях изучавшего землетрясения, хозяина «Книг Просперо». В некрологе процитировали слова менеджера магазинчика, пообещавшего сохранить наследие Билли через эту книжную лавку. Еще там написали о похоронах во вторник в Форест-Лауне.

«Книги Просперо». Я должна была увидеть эту связь, как только поняла, что «Буря» от Билли. Ну, конечно, любая отсылка к пьесе являлась отсылкой к магазину, где книги ценились выше герцогства, где я провела уйму дней в детстве и где я могла выбрать любую историю.

Экземпляр «Бури», отправленный Билли, каким-то образом был связан с магазином.

Я вытащила книгу из сумки и перечитала историю, которую Просперо поведал Миранде. Он хотел рассказать ей о том, что его брат предал его. Он хотел, чтобы она поняла, почему он наколдовал шторм, который выбросил Антонио на остров. Прошло уже столько лет с тех пор, как Билли загадал

мне свою последнюю загадку, но вот новая тайна. «Узнать о многом ты должна». Слова Просперо. «Понимание готовит нас к будущему». Слова Билли. Подобно Просперо, Билли пытался объяснить, что его предали и изгнали из семьи. И так же как Просперо, Билли планировал свое возвращение. Он не владел заклинаниями и волшебными чарами, но у него была магия его загадок, приключений, которые он устраивал для меня в моей юности. Я уже давно выросла, и все же я чувствовала этот азарт, оживление от первой загадки, оттого, как она всегда приводила к другой. Правда, в этот раз все было иначе, азарт отдавал горечью.

Мой последний контакт с Билли.

Мой последний шанс узнать историю, которую мама мне никогда не расскажет: правду о том, что же их разобщило.

* * *

В ближайшие два с половиной месяца я могла как угодно распоряжаться своим временем, поэтому я забронировала самолет на понедельник, чтобы успеть к похоронам Билли. Я должна была поехать туда, и не только потому, что хотела найти следующую подсказку. Так было *правильно*. Я любила его в детстве. Я поеду на его похороны. Я почти те отношения, что когда-то связывали нас.

Джей лежал на кровати, наблюдая, как я пытаюсь сложить груды своих летних вещей.

– Обязательно брать столько одежды?

Я закрыла чемодан и запрыгнула к нему на кровать.

– Не знай я тебя так хорошо, решила бы, что ты будешь скучать.

– Ну, конечно, я буду по тебе скучать. – Он притянул меня к себе и лег сверху. Его лицо оказалось так близко к моему, что я заметила едва проступающую щетину.

– Меня не будет всего лишь пару дней. – Я еще не покупала обратный билет, но с тех пор как я уехала учиться, я оставалась в Лос-Анджелесе не больше чем на пять дней.

Если я не ошибалась и Билли действительно оставил мне еще одну подсказку, мне бы хватило пяти дней на то, чтобы разгадать секрет, который он хотел мне поведать.

– Уверена, что мне не стоит ехать с тобой на похороны?

– У тебя ведь лагерь на следующей неделе.

– Это просто футбол.

– Просто футбол? Кто ты и что сделал с моим парнем? – Я все еще не привыкла произносить слово «парень» вслух.

Он провел рукой по моим волосам, распутывая мои кудри. Ненавидела, когда он так делал.

– Вовсе необязательно ехать одной.

– Я же ненадолго. – Я встряхнула головой, как только он убрал руку.

Джей сам отвез меня в аэропорт, несмотря на то что ему пришлось арендовать машину. Впрочем, вызов такси не обошелся бы дешевле. Он остановился у терминала и подошел

к багажнику, чтобы достать мою сумку.

– Позвони, как прилетишь.

Он поставил мой чемодан на бордюр. Мне казалось, он попросит меня возвращаться побыстрее, но вместо этого он сказал:

– Оставайся там столько, сколько считаешь нужным. Потом пожалеешь, если поспешишь и не побудешь с семьей.

– Кто знал, что ты такой сентиментальный? – Джея смутили мои слова, и он отвернулся. Я хотела еще разок пошутить по поводу его чрезмерной чувствительности, но потом просто крепко поцеловала его, чтобы ему было о чем вспоминать, пока мы будем в разлуке.

* * *

Во время долгого перелета я все думала, что сказать маме о «Буре» и улике, которую оставил мне дядя Билли. Когда я призналась, что приеду на похороны, она спросила:

– С чего вдруг ты решила сорваться?

Она с таким недоверием и искренним недоумением задавала вопрос, что я растерялась.

– А ты не собираешься идти на похороны? – насторожилась я.

– С чего бы мне туда идти?

«С того, что это твой единственный брат», – подумала я, но вслух сказала:

– Значит, поеду одна.

– Ну и ладно, – ответила она холодным, равнодушным тоном, каким со мной часто разговаривали ученики.

Как же мне признаться ей, что Билли связался со мной, если она все еще не могла его простить и проявить уважение к его смерти, отдать дань той близости, которая была когда-то между ними? А самое худшее в этой ситуации – что бы он ни хотел мне рассказать, мама пыталась изо всех сил это скрыть.

Я искренне надеялась, что подберу слова, когда увижу ее вживую.

Папа ждал меня у выдачи багажа с табличкой, на которой было написано: «Учитель Миранда». Так обращались ко всем учителям в моей квакерской школе. Учитель Анна. Учитель Том. Учитель Джей. Джей. Я написала ему, что прилетела. Он отправил мне смайлик с поцелуйчиком. И хотя я ненавидела смайлики за их банальность и избитость, мне нравилось, что Джей был таким сентиментальным со мной.

Папа не любил обниматься. Я же старалась не принимать это близко к сердцу. Тактильные проявления чувств он позволял себе только с мамой. Я часто видела, как они медленно танцевали на кухне, пока мама напевала старую народную песню, или как он рассеянно тер ее пятки за просмотром фильма с Норой Эфрон. А с большинством людей он максимум пожимал руки. Со мной он хотя бы обнимался, но всегда чувствовалась некая неловкость.

– Где мама? – спросила я после того, как папа неохотно обнял меня. С каждым моим приездом в его волосах виднелось больше соли, чем перца, оливковая кожа покрывалась морщинами, а голубые глаза становились тусклее. Мне хотелось схватить его за руку и попросить, чтобы он перестал стареть.

– Она рано легла спать. Сказала, что увидится с тобой утром.

Мама никогда не теряла возможности встретить меня в аэропорту. Она бойко пробивалась сквозь толпу водителей лимузинов, между большими семейками, где носились дети, их родители и родители их родителей, занимающие зал выдачи багажа. Так что первым, что я видела, было всегда именно ее лицо.

– Как она?

Папа взял мой чемодан и побрел в сторону выхода.

– Ты же знаешь маму. Она старается быть сильной, но ей тяжело. Тяжелее, чем она ожидала.

Воздух снаружи оказался жутко едким от выхлопных газов и сигаретного дыма. Многочисленные автомобили в упор подбирались друг к другу, стараясь выехать из, казалось, не движущейся пробки. И только пальмы вдалеке напоминали, что мы все-таки в Лос-Анджелесе, а не в заброшенном аэропорту какой-то развивающейся страны.

Мы выехали со стоянки и направились к дорожной развязке.

– Как в этом году с цитатой Стэнтона?

Каждый учебный год я заканчивала темой про смерть Линкольна. Вскоре после смерти президента его друг и военный министр, Эдвин Стэнтон, почтил память почившего, сказав: «Теперь он принадлежит годам».

Или же он сказал: «Теперь он принадлежит богам»?

Этот вопрос я всегда задавала своим ученикам. Врач Линкольна решил, что Стэнтон сказал «годам», а вот секретарь-референт услышал «богам». Теперь все гадали: суждено Линкольну, согласно Стэнтону, стать частью истории или загробного мира? Ученикам предлагалось высказать свое мнение по поводу обоих вариантов, таким образом дискутируя, что же на самом деле пробормотал Стэнтон. В конечном счете вопрос ведь действительно неоднозначен.

– Слова Стэнтона остаются загадкой, – ответила я.

«Мы должны пропускать через себя опыт исторических событий, – говорила я своим ребятам. – Только тогда мы определимся, как именно толковать наше прошлое и что для нас важно сегодня».

– Мне кажется, многие уловили смысл. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Ты делаешь все возможное. А заботиться о прошлом или же нет – это уже им самим решать.

Папа резко затормозил, когда нас внезапно подрезал автобус-шаттл.

– Помнишь, как Билли однажды пришел к нам ночью?

– Конечно. – Его внимание было сосредоточено на автобусе, пытающемся втиснуться в небольшое пространство между двумя машинами.

– Мама вроде бы мне говорила... но я забыла, почему они тогда поссорились.

– Понятия не имею. – Папа просигналил внедорожнику, появившемуся перед нами. – Давай быстрее!

– То есть ты не знаешь, что тогда случилось?

– Я знаю только, что Билли пришел пьяный и сказал маме, что не хочет больше с ней разговаривать. – Он ловко объехал пробку, и мы выбрались на бульвар Сепульведа, где движение рассеялось. – А потом он купил тебе эту дурацкую собаку.

– Но Билли не был пьяным. – Я вспомнила его вспыхнувшее лицо и стеклянный взгляд. – Или все-таки был?

Папа свернул на Оушен-Парк. Чем ближе мы подъезжали к океану, тем более прохладным и соленым становился воздух. Я опустила окно и вдохнула полной грудью. Каждый раз, когда я приезжала в Лос-Анджелес, я воспринимала этот город, как дом моих родителей, а себя чувствовала скорее гостем, чем местным. Я не могла признаться в этом маме. Она все ждала, что я, как и она когда-то, вернусь обратно в Южную Калифорнию, но мне даже думать об этом не хотелось. Я не собиралась вести уроки о кинозвездах и музыкантах. Режиссерах. Работниках телевидения. Не собиралась преподавать историю США в штате, который стал частью союза

только после компромисса 1850 года. В глубине души я не являлась калифорнийкой, анджелино, как называли жителей Лос-Анджелеса. От тоски по родине остался только запах океана.

– Слушай, – сказал папа на светофоре, – не хочу рушить твои воспоминания о Билли, но имелась в нем стороны, которые ты не видела в силу возраста.

– Что еще за «стороны»?

– Не важно. Не стоило мне этого говорить.

– Нет уж, продолжай. Какие стороны?

Папа съехал с бульвара Оушен-Парк на нашу улицу. Я разглядывала знакомые виды нашего тихого квартала, узнавая цвет каждого дома, пусть в тусклом, вечернем свете все они казались темно-серыми. По правде говоря, в Лос-Анджелесе никогда не темнело, даже посреди ночи не бывало крошечной тьмы.

– Понимаю, что в связи со смертью Билли у тебя много вопросов. Просто мне не очень удобно говорить от лица твоей мамы.

– Я и не прошу говорить от ее лица.

– Это ее прошлое.

– Это *наше* прошлое.

Под колесами машины похрустывали камни, когда мы подъезжали к дому. В окнах не горел свет, лишь мигал старый фонарь на крыльце, вокруг которого собрался рой мошек.

– Мама сама решит, что стоит тебе рассказывать.

Выпрыгнув из машины, он подошел к багажнику и достал чемодан. Я наблюдала за ним в зеркало заднего вида, но вскоре крышка багажника закрыла мне обзор. За секунду до этого на его лице проскользнула странная эмоция, которую прежде я у отца никогда не видела: кажется, он чего-то испугался.

Глава 4

На следующее утро, спустившись за кофе, я увидела, что мама давно проснулась и уже всю хозяйничает на кухне. Кексы с черникой остывали на стойке, отделяющей кухню от гостиной и столовой. Холодильник ломился от моей любимой еды. Взбитые сливки с клубникой, болонская колбаса, шоколадное молоко – все вкусоности, к которым я не притрагивалась уже много лет.

– А где остальные двадцать гостей?

– Миранда!

Мама скинула прихватки и бросилась ко мне. На часах было только семь утра, но мама уже надела темные брюки и коралловую блузку, завила волосы и нанесла макияж с коричневыми тенями.

– Мам, мне так жаль.

Мама являлась полной противоположностью папы по части объятий. Она всегда обнимала меня так, будто не собиралась никогда отпускать.

– Я в порядке, – ответила она, словно убеждая в этом саму себя.

– Я могу что-нибудь сделать?

Она указала на стул:

– Садись.

Мама, будто официантка, подала мне кекс и чашку кофе, а

сама села напротив, наблюдая, как я разламываю его надвое. Из серединки кекса поднимался пар.

– Как хорошо, что ты дома.

Она протянула руку, чтобы поправить спутанный завиток на моем лбу.

– Так и не надумала пойти сегодня со мной на похороны? – ненароком спросила я, медленно отламывая кусочки кекса. – Закроешь гештальт.

– Я закрыла его много лет назад. – Она поднялась из-за стола и подошла к раковине, чтобы помыть противень.

Закончив с едой, я поставила пустую тарелку в мойку и встала рядом с мамой, почти вплотную, как ей нравилось.

– Я переживаю, что потом ты пожалеешь, если не пойдешь.

Она посмотрела на меня и прокатилась своей холодной, мокрой рукой по моей щеке.

– И откуда у меня такая замечательная дочка? – На мгновение ее губ коснулась улыбка, но затем она вновь повернулась к грязной посуде. – Правда, солнышко, я в порядке.

* * *

Форест-Лаун находился в полчаса езды от дома моих родителей, и я на всякий случай вышла за сорок пять минут до начала. Мама с папой одолжили мне свою машину и сейчас махали мне на прощание с подъездной дорожки.

Я опустила окно перед тем, как завести двигатель.

– Вас точно никакими уловками не заманить со мной?

– Миранда, езжай, – слишком настойчиво отрезал папа.

– Увидимся, когда вернешься, – добавила мама.

Отъехав от дома, я вновь взглянула на маму, надеясь увидеть на ее лице хотя бы какой-то намек, какое-то доказательство, что ей больно, несмотря на слой косметики, нанесенный утром, дабы специально сбить нас с папой с толку. Однако мама лишь помахала мне рукой, будто я собиралась на выпускной, а не на похороны ее единственного брата.

Кованые, железные ворота кладбища Форест-Лаун напомнили мне Восточное побережье – так там выглядели ворота гольф-клубов премиум-класса. Я опоздала, хоть и выехала заранее. Точнее, опоздала на двадцать две минуты, что было паршиво даже по меркам Лос-Анджелеса, где из-за вечных пробок все мероприятия начинались на десять минут позже, чем предполагалось.

– Где похороны Силвера? – спросила я охранника, и тот указал на проезд, ведущий к холму в дальнем углу кладбища, в противоположной стороне от громких имен, которыми пестрили более заметные надгробия.

У разрытой могилы стояло около сорока человек. Эти люди оказались куда более молодыми, необычными и стильными, чем я предполагала. В темных джинсах и футболках или в узких трикотажных платьях. Я поправила воротник своего черного платья длиной до колена, внезапно осознав, на-

сколько консервативно я выглядела. Ходячее олицетворение Восточного побережья.

Спрятавшись позади ряда людей, выстроившихся вдоль могилы, я пыталась найти хоть одно знакомое лицо, пусть даже и не предполагала, кого здесь можно встретить. Мои бабушки и дедушки умерли либо до моего рождения, либо когда я была слишком маленькой, чтобы запомнить их. Других братьев и сестер у мамы с Билли не было. Их дяди погибли на побережье Нормандии и в районе Тихого океана. Ни о каких двоюродных братьях, сестрах или прочих дальних родственниках я не слышала ни слова. Никаких близких друзей, которые стали бы частью семьи. И все-таки я вглядывалась в эти молодые лица, надеясь найти кого-нибудь знакомого, возможно, давнюю пассию Билли, о которой я забыла, или менеджера Ли, или какую-нибудь из тех красоток, что работали в кафе при «Книгах Просперо». Теперь им, наверное, уже за сорок. Среди присутствующих только несколько человек оказались старше меня: полноватая женщина лет шестидесяти в пластмассовых очках и жилистый мужчина с козлиной бородкой, в очках с бифокальными линзами. Из остальной толпы выделялся только человек в полосатом костюме, у которого, как и у меня, не имелось приглашения на похороны.

Толпа немного сдвинулась, когда какой-то парень в худе и выцветших, черных штанах вышел к микрофону. Он смахнул непослушные пряди с лица и, не поднимая глаз, вытащил

из кармана листок бумаги.

– Это стихотворение Дилана Томаса, оно очень нравилось Билли.

Он откашлялся и принялся читать «Не уходи покорно в сумрак смерти». Пока он читал о противостоянии слабеющему свету, я изучала надгробную плиту Билли. На темном граните были запечатлены его имя – Билли Силвер, год рождения – 1949-й год и день смерти – три дня назад. Томас Джефферсон однажды написал, что жизнь и душа истории должны навсегда оставаться неизвестными. Только факты – вечные факты, по его словам, – передавались следующим поколениям. То были поверхностные факты о жизни Билли, лишённые подробностей, которые делали его запоминающимся человеком. Почему его не похоронили рядом с моими бабушкой и бабушкой в Вест-Сайде? Почему он захотел быть погребённым здесь, рядом с могилами неких Эвелин Вестон и Ричарда Каллена, в Форест-Лауновском уголке для одиночек, оставшихся сами по себе даже после смерти?

Друг Билли закончил читать стихотворение Томаса и торжественно посмотрел на толпу. Его пристальный взгляд обошёл каждого присутствующего, пока не остановился на мне. Я затаила дыхание от вида этих ясных, неестественно синих глаз. Несмотря на свою красоту, они были поразительно холодными, и я ещё сильнее почувствовала, что вмещаюсь во что-то, что меня не касается. Что я здесь делала? Ранее я убеждала себя, что домой меня привели долг, порядочность

и горе. На самом же деле причина таилась в открытке от дяди и перспективе нового квеста. Мне здесь было не место. Я не заслуживала находиться среди этих печальных, красивых людей и почитать память того, кого я практически забыла.

– Будешь? – Девушка рядом со мной протянула мне пластиковый стаканчик. Выглядела она гораздо моложе меня, латиноамериканка. Ее руки покрывали рисунки тушью и испанской каллиграфией. – Есть виски и виски. Я рекомендую виски.

Я взяла стаканчик, наблюдая, как щедро она его наполняет.

Взрослый мужчина с козлиной бородкой подошел к микрофону и поднял свой красный пластиковый стаканчик к слушателям. Он закрыл глаза и начал петь: «Ах, мальчик мой, в поход сыграли горны».

Полноватая женщина лет шестидесяти подошла к поющему и обвила своей конопатой рукой его плечи, покачиваясь вместе с ним под ритм старого гимна. Завершив песню, мужчина поднял стакан к открытой могиле, а затем к небу, и только потом сделал глоток.

– *За вечера, которые мы никогда не вспомним, с приятелями, которых мы никогда не забудем.* Так, кажется, говорил Билли. – Латиноамериканка улыбнулась и поднесла свой стаканчик к моему. – Ты из нашего округа?

– Какого округа?

– Силвер-Лейк. Не видела тебя там.

– Нет, я – племянница.

Последнее слово прозвучало так, будто пришло из другого языка. *Племянница*. Какое странное и непонятное сочетание букв. И все же я была именно *племянницей* Билли. Он отправил мне знак перед своей смертью. Он думал обо мне. Мы что-то значили друг для друга.

– Откуда ты знала моего дядю? – поинтересовалась я. Меня почему-то успокаивал тот факт, что я являлась частью его семьи, а остальные гости – нет.

– Работаю в «Просперо».

– «Книги Просперо», – пробормотала я с грустью.

Мне не удалось припомнить, когда в последний раз я проносила это название вслух, но оно все еще приводило меня в дикий восторг, как когда я была ребенком. Волшебные чары «Просперо», магия его книг.

После виски атмосфера поменялась, и все начали оживленно болтать. По участку разносился смех. Мужчина в полосатом костюме объявил:

– Желающих продолжить вечер воспоминаний приглашаю в «Книги Просперо».

– Рада была с тобой познакомиться, – сказала незнакомка, и я почему-то ожидала, что еще она добавит: «Встретимся в магазине», но она только кивнула и направилась к парню с дикой прической, который совсем недавно читал стихотворение Дилана Томаса. Она что-то прошептала ему, и они оба посмотрели на меня с загадочным, непонятным выражением.

ем лица. Или же, возможно, оно было довольно понятным. Возможно, я просто не хотела понимать горький посыл этого взгляда.

Потягивая виски, хотя в стаканчике уже почти ничего не осталось, я наблюдала за людьми, плывущими к длинной цепочке машин на обочине дороги.

– Вы, случайно, не Миранда? – Мужчина в полосатом костюме подошел ко мне и протянул руку. Выглядел он старше, чем казался издали, а его рыжеватые волосы были высветлены перекисью. – Я надеялся увидеть вас здесь. Меня зовут Элайджа Гринберг, юрист Билли.

Я хотела спросить, откуда он знал, что я приду. Должно быть, Билли рассказывал обо мне. Наверняка, он знал о «Буре» и о предстоящем квесте.

– Соболезную вашей утрате. – Элайджа повел меня к машинам, стоящим на обочине. – Вы не придете на празднование?

– Празднование?

– В честь Билли. Знаю, звучит странно, но он сам выбрал такое название. *«Не хочу всех этих грустных поминок, – пробубнил мужчина низким голосом, пародируя Билли. – Не таким должно быть ваше последнее воспоминание обо мне».*

Я собиралась уйти, но из моей головы никак не выходили слова девушки. *«Рада была с тобой познакомиться».* Она сказала это таким тоном, будто мы больше не встретимся. Я помнила выражение ее лица, как и того патлатого парня, ко-

гда они издалека разглядывали меня, блудного родственника, опоздавшего на похороны родного дяди. Как бы мне ни хотелось поехать в «Книги Просперо», такого беспрерывного осуждения я бы не вынесла.

– Меня ждут дома родители, – наконец, ответила я.

– Может, придете завтра ко мне в офис? – Элайджа протянул мне визитку. – Нам стоит обсудить вопрос, касающийся завещания.

– Завещания?

– Вашего наследства.

– *Моего* наследства?

Мужчина разблокировал двери машины и открыл дверь.

– Завтра в 10 утра, вас устроит?

Я молча кивнула. Меня охватило любопытство, подобно лихорадке. Подобно бреду. Эйфории. Я чувствовала Билли. Мои инстинкты не обманули. Сначала Билли направил меня домой своей открыткой и «Бурей».

Следующая подсказка ждала меня в офисе Элайджи Гринберга, в виде моего наследства.

* * *

К моменту, как я выехала на магистраль I-5, на Восточном побережье было уже за семь вечера. Джей либо сидел дома, восстанавливая силы перед ранним подъемом в футбольный лагерь, либо развлекался в баре за углом, где пропускал ста-

канчик с наглыми подростками.

Я решила испытать удачу.

– Привет, детка, – ответил он на четвертый звонок. Джей никогда не называл меня «деткой». Иногда он называл меня Ми или Мими, с тех пор как услышал, что папа называл меня именно так. Никаких «детка», «малышка» или «дорогая», никаких общепринятых ласковых прозвищ.

– И тебе привет, – насторожилась я.

– Я только закончил убираться на кухне. К твоему приезду все будет соответствовать лучшим стандартам.

После моего переезда квартира Джея вышла на новый уровень чистоты. «Обсессивно-компульсивной чистоты», как поговаривал сам Джей из-за моей привычки, перенятой от мамы. По ее словам, дом всегда должен быть готов к приему гостей.

Джей выдохнул, шумно плюхнувшись на диван. Я услышала, как включился телевизор, и прикусила язык, чтобы в очередной раз не высказать ему своего недовольства. Джей постоянно ставил футбол или, когда не транслировали футбольные матчи, смотрел регби, бейсбол, баскетбол, даже хоккей, если совсем отчаивался. Он не включал спортивные каналы, только когда мы занимались сексом.

– Тебе не кажется, что сейчас не самый подходящий момент? – вкрадчиво поинтересовалась я.

Если Джей чувствовал, что меня что-то бесит, он включал дурачка. Телевизор продолжал орать во всем своем велико-

лепии.

– Тревор сегодня заболел, так что я был один. Кто вообще болеет на второй день работы? Хочу, чтобы он устроился моим помощником, но с такой фигней школа точно не наймет его.

Мне не хотелось говорить о его друге Треворе.

– Пока наша школа побеждает в турнирах, начальство делает все, что потребуется, чтобы тебе угодить.

Я снизила скорость, подъехав к центру города. До выезда на шоссе оставалось чуть меньше километра. Зря я позволила. Джей пребывал в своем режиме «ленивца» после долгого дня. Дома я едва ли разделяла удовольствие от такого отдыха, а на расстоянии телефонного звонка мне и подавно не было там места. Мы работали над этим, старались избавиться от своих холостяцких привычек, хотя мои остались где-то в Южной Филадельфии.

– Прости, я идиот. Похороны же состоялись сегодня?

– Ага, только еду оттуда. Я там даже никого не знала.

– А надеялась встретить знакомых?

– Нет, но все равно расстроилась, что так получилось.

– Ну, с чего тебе там кого-то знать? Это не повод расстраиваться, – подбодрил меня он, пока футбольные фанаты кричали через Bluetooth в машине.

– Кстати, я оказалась права. Дядя что-то оставил мне в завещании.

– То есть завтра ты не вернешься?

– А почему я должна была вернуться завтра? – Я потрясла руль, как будто это ускорило бы движение на дороге, несмотря на ловушку из машин на автостраде.

Этот разговор тоже держал меня в заложниках.

– Мне казалось, ты приедешь сразу после похорон.

– А мне казалось, ты предложил мне не спешить.

– Разве это был я?

– По-моему, ты сказал: *«Оставайся там столько, сколько считаешь нужным»*.

– Ну да, в ответ на что ты назвала меня сентиментальным, – парировал он.

– Туше, – согласилась я, из-за чего Джей засмеялся. – Еще несколько дней. Юрист Билли даст мне следующую подсказку. Я выясню, что именно Билли хотел мне рассказать о них с мамой, и вернусь домой раньше, чем ты соскучишься.

– Я уже по тебе скучаю.

– Тогда раньше, чем ты возьмешь свои слова назад по поводу чистой квартиры. Максимум – в конце недели, – пообещала я.

* * *

Мама заявила, что поедет на встречу с Элайджей со мной.

– Но я могу поехать одна, – ответила я, забрав у мамы тарелку с омлетом. Она знала, что Билли оставил мне что-то в завещании, но не догадывалась о подсказках и ожидающем

меня квесте. – Если тебе будет тяжело, я прекрасно справлюсь сама.

– Я еду с тобой, – отрезала мама. – Конец разговора.

Она сняла фартук и ушла собираться наверх. Я смотрела, как она уходит, и чувствовала себя подростком, которого вот-вот поймают по дороге на вечеринку или уличат в татуировке. Джей был прав: стоило рассказать маме о посылке до моего приезда, до того, как Билли превратился в какую-то тайну.

Элайджа работал на Ларчмонте, так что мы с мамой засели в пробке, пытаюсь продвинуться на восток. Я наблюдала, как ее взгляд метался между зеркалом заднего вида, боковыми зеркалами и перегруженной дорогой. Она потеряла щеку, как делала всегда на напряженных сценах в кино.

– Миранда, пожалуйста, хватит так на меня смотреть. Я правда в порядке.

Я все равно продолжила следить за ней, но лишь искоса, надеясь, что она этого не заметит. Как бы она ни старалась, она *не* была в порядке. Я не понимала, почему она пыталась скрыть свои чувства. Я осмелилась задержать на ней взгляд и подумала, не впервые в жизни, что я совершенно не понимаю свою мать.

Мы выехали с шоссе и направились на север вдоль Ла Брей, мимо мебельных магазинов и складских помещений.

– Похороны оказались довольно странными, – сообщила я, пусть меня никто и не спрашивал.

– Билли всегда был немного эксцентричен, – рассеянно ответила мама.

– Я все думаю о нем. – Я хотела приблизиться к нужному разговору, хотела рассказать ей о «Буре» до того, как мы приедем в офис Элайджи и он выполнит эту работу за меня. – Помнишь, как он построил у нас во дворе симулятор, чтобы провести для меня урок об ураганах? Или как он установил опрыскиватели, чтобы создать радугу?

– Он всегда к тебе хорошо относился, – прошептала она почти печально, будто скучала по нему.

– Мы ведь были так близки, а потом просто перестали видеться.

– Мы *были* близки.

Мама замолчала, чтобы собраться с мыслями. Огромные витрины сузились до бутиков, кафе и магазинов с замороженным йогуртом.

Остановившись на светофоре, она добавила:

– Только Билли нельзя было доверять. Он вечно сбегал. Я понятия не имела, жив он или нет, придет к ужину или, может, уже уехал из страны? И я постоянно волновалась. В один прекрасный момент это перешло все границы.

– В каком смысле – «перешло границы»?

Мама наклонилась вперед, чтобы прочитать названия улиц, перпендикулярных Ларчмонту.

– Ищи Роузвуд.

Мне стоило сказать, что она не может так просто увиль-

нуть от разговора, стоило напомнить ей слова Просперо: «Узнать о многом ты должна». Я обязана была признаться, что Билли хотел открыть мне правду о прошлом и что в первую очередь я хотела услышать эту правду от нее. Но мама никогда не отвечала на вопрос, если тот даже отдаленно попахивал угрозой. Если она решила не рассказывать, в чем причина их ссоры, я могла и не пытаться уговорить ее.

Мою маму не сломил бы и тот факт, что Билли для меня что-то приготовил.

Спустя несколько кварталов мы нашли Роузвуд и припарковались перед юридической фирмой Элайджа Гринберга. Июньское небо затягивали темные, угрюмые и хмурые тучи. Июнь в Лос-Анджелесе отличался легким утренним туманом, от которого ожидаешь пасмурную погоду, но тучи всегда рассеивались, и солнце радовало еще больше оттого, что утро тонуло в дымке. Но сегодня я не увидела в небе ни намека на ясный день.

Элайджа провел нас в свой офис. Мы уселись в твердые кожаные кресла, пока он искал нужный документ среди кучи файлов на рабочем столе. Мама рассеянно постукивала ногой, и я чувствовала, как трясется и мое кресло. Я положила руку на ее колено, чтобы успокоить. Она вздрогнула, повернув ко мне испуганное лицо, чего я совсем не ожидала.

Элайджа медленно и размеренно открыл папку.

– Как вы знаете, Билли был единственным владельцем «Книг Просперо».

Я насторожилась и подвинулась вперед, стораая от любопытства. Элайджа откашлялся и зачитал завещание Билли:

– Я, Билли Силвер, настоящим завещаю мою собственность, 4001 бульвар Сансет, Лос-Анджелес, Калифорния, на которую распространяются любые виды закладных и залогов, Миранде Брукс. – Элайджа протянул мне связку ключей. – В собственность входит книжный магазин и квартира на втором этаже. Я распорядился, чтобы ее привели в порядок для вас.

Ключи оказались холодными и гладкими, с потертыми от долгого использования зазубринами. Я ожидала карту или какую-нибудь загадку, но ключи от «Книг Просперо»? Я же преподавала историю в средней школе. Я не имела ни малейшего понятия, как вести бизнес! Не говоря уже о таком узконаправленном и серьезном бизнесе, как книжный магазин. Но меня не интересовала материальная сторона вопроса. «Книги Просперо»... я все еще помнила сладкий, пыльный запах и ощущение весенней поры, вне зависимости от сезона, и сейчас, спустя столько лет, я вновь почувствовала этот запах, вновь ощутила дуновение весны.

Я посмотрела на маму, которая сидела, выпрямившись, рядом со мной, в полной боевой готовности перед преследуемой добычей. Ее взгляд скользил по завещанию, просматривая его вверх ногами. Она словно замерла и, казалось, рассыпалась бы на тысячи осколков от одного прикосновения.

– Мам?

Она покачала головой.

– Все хорошо. Давайте дальше.

Элайджа закрыл папку и выдвинул ящик под компьютером.

– Вдобавок к магазину он также попросил передать вам это.

Юрист протянул мне «Джейн Эйр».

На обложке был изображен силуэт Джейн. Ее темный профиль контрастировал с бежевым фоном. Я провела пальцами по контуру ее лица.

Я читала этот роман в старшей школе, а потом в университете, и считала любовь Джейн и мистера Рочестера одной из лучших в литературе, хотя по современным стандартам мистер Рочестер был немного странным. Будь это книга из серии «Дети из товарного вагона», например «Игра Вестинга», она бы напомнила мне о днях, проведенных в «Книгах Просперо» за огромной чашкой горячего какао, пока Билли читал мне вслух и мы вместе пытались разгадать загадки мистера Вестинга, над которыми бились и жители Сансет Тауэрс. Но «Джейн Эйр»? Я никогда не читала ее с Билли и понятия не имела, почему он оставил ее мне.

Я показала книгу маме, и она чуть наклонилась, изучая обложку. Ни один мускул не дрогнул на ее лице, и мне оставалось лишь догадываться: значила ли эта история что-либо для нее.

На корешке имелись несколько трещин. Та, что оказалась

посередине, немного выпячивалась. В ней лежал старинный ключ. На странице, следующей за ключом, были выделены пара предложений:

«Никто не начинает прыгать и ликовать, узнав о внезапно свалившемся состоянии; люди первым делом размышляют о новых обязанностях и оценивают будущие задачи; вместе с удовольствием, богатство также приносит серьезные заботы – приходится сдерживаться и наслаждаться своим счастьем с нахмуренным челом».

Знал ли Билли, что меня охватят блаженство и прилив восторга? Состояние. Обязанности. Серьезные заботы. Нахмуренное чело. Не пытался ли он напомнить мне, что свалившееся на меня состояние было следствием его смерти? Я еще раз просмотрела выделенный отрывок и вспомнила: Джейн не прыгала и не кричала «ура», узнав о наследстве от своего дяди, Джона Эйра. Дяди! У отца Джейн имелся брат, которого она прежде не видела. И вместо радости она испытала смятение, так как ее благополучие было связано с его смертью. А ведь она безумно мечтала познакомиться с ним, но теперь уже шанс был утерян.

Дядя искал ее, но не успел найти при жизни. Точно так же Билли связался со мной уже после своей смерти.

Правда, если бы он хотел, он бы легко нашел меня, в современный-то век интернета и «Фейсбука». Если он думал

обо мне, почему не подавал знаков раньше? Почему дождался момента, когда я больше не смогу ответить?

– Это все? – спросила мама Элайджу с нетерпеливостью ученика, задерживающегося после урока.

– Ну, есть еще несколько мелочей касательно магазина, которые надо бы обсудить. Если вы спешите, мы с Мирандой можем встретиться в следующий раз.

– Да, это было бы прекрасно.

Мама жестом указала мне на дверь.

– Я позвоню вам, – сообщил мне Элайджа.

Поднявшись со стула, я случайно перевернула обложку «Джейн Эйр». На первой странице виднелась короткая надпись. Почти выцветшим, витиеватым почерком значилось имя: *Эвелин Вестон*. Я точно помнила его, написанное большими буквами на плите рядом с надгробием Билли.

Выходит, он не был похоронен в одиночестве.

Но кто такая Эвелин Вестон?

* * *

Мама ехала по крайней левой полосе по дороге на запад вдоль I-10, со скоростью ниже разрешенного максимума. Справа проезжали машины, сигналивая нам и показывая кулаки.

– Может, я сяду за руль? – спросила я, зная, что она откажется.

– Я в порядке. – Она резко нажала на педаль газа, и машину грубым движением бросило вперед.

– Поверить не могу, что Билли оставил мне свой магазин.

– Это непростительно, – возмутилась она, съезжая с эстакады. – Возложить на тебя такую ношу.

– Это не ноша. Мне нравились «Книги Просперо».

– Любить что-то и быть ответственным за это – абсолютно разные вещи.

Она так сильно сжала руль, что костяшки пальцев побелели.

– Как ты думаешь, почему он оставил мне «Джейн Эйр»?

– Понятия не имею.

Этот подарок, казалось, выводил ее из себя вне зависимости от того, понимала она его посыл или нет.

– Эта книга что-то значила для Билли?

– Я же сказала, понятия не имею! – Мама включила какой-то «*Top-40*» по радио, хотя не любила такую музыку. Мы слушали песни со слащавыми голосами и прилипчивыми мотивами, пока не выехали на дорогу к нашему кварталу, выполненному в испанском колониальном стиле. – Прости, что сорвалась на тебя, я не хотела. – Она остановила машину. – Билли, наверное, не учел, что меня это очень заденет.

Я покручивала между пальцами старинный ключ, найденный в томике «Джейн Эйр». Он настолько окислился, что был почти черным. Наверняка им открывался какой-нибудь старый сейф или шкатулка с драгоценностями, спрятанная

в другой половине моего наследства, «Книгах Просперо». И он определенно был как-то связан с именем, написанным вычурным почерком на первой странице романа.

– Ты знаешь, кто такая Эвелин Вестон?

Мама вздрогнула.

– Где ты услышала это имя?

– В Форест-Лауне. Билли похоронили рядом с ней.

– Ты видела могилу Эвелин?

Ее голос казался очень взволнованным, почти безумным.

– Она была женой Билли? – Я не могла найти другого логического объяснения, почему Билли похоронили рядом с ней.

– Да, была, – прошептала мама, уставившись пустым взглядом на наш родной, белый дом. Морщинки вокруг ее глаз стали заметнее с тех пор, как мы виделись в последний раз. Все говорили, что я похожа на маму. У нас обеих кудрявые волосы и худая фигура. Правда, ее лицо казалось более узким и удлинненным, а в карих глазах блестели крапинки янтаря.

Мне никогда не было суждено стать такой же красивой.

– Он познакомился с ней после нас?

Мама в растерянности повернулась ко мне.

– Ты сказала, что видела ее могилу?

– Я не присматривалась. Но я ни разу не слышала, чтобы о ней кто-то говорил.

– Они поженились еще до того, как родилась ты. Она

умерла много лет назад.

– И Билли с тех пор не женился? Не заводил семью?

– Ему была нужна только Эвелин.

– Почему он назвал магазин «Книги Просперо»? Это как-то связано со мной?

В детстве я думала, что «Книги Просперо» назвали в честь меня, как дань уважения моей тезке, словно это место жило и дышало со мной, а когда я уходила, прекращало свое существование.

– Магазинчик открылся еще до твоего рождения.

Ее голос оставался спокойным.

– Выходит, ты назвала меня в честь книжного магазина?

– Я назвала тебя в честь Шекспира.

– Вы с Билли просто случайно выбрали одну и ту же пьесу?

– Это была любимая пьеса Эвелин. – Мама улыбнулась, будто оставив свою печаль. – Как ты думаешь, какой бардак сейчас на кухне, если она с утра оставалась в папином распоряжении?

Мама хлопнула меня по ноге и вышла из машины навстречу яркому, солнечному дню.

Я не отрывала глаз от приближающегося к входной двери силуэта, складывая в голове информацию, которую успела узнать.

У Билли была жена еще до моего рождения.

Ее звали Эвелин Вестон, и она любила «Бурю».

Меня назвали в честь Миранды Шекспира и Миранды Эвелин.

Эвелин Вестон, по всей видимости, любила «Джейн Эйр», и мама наверняка об этом знала. Даже не увидев имя Эвелин на первой странице, она, несомненно, поняла, к чему Билли оставил мне книгу.

И как я раньше не догадалась? Мама что-то скрывала.

* * *

– До маминого уровня мне далеко, и не надейся, – предупредил папа, поставив баклажаны с пармезаном в духовку. – Скажешь ей, что ужин почти готов?

Мама сидела на улице. Вооружившись парой больших ножниц, она собирала цветы для стола. Небо горело насыщенным, оранжевым цветом в розовую полоску. Солнце уже ушло за горизонт, оставив свое наследие по всему небу.

– Вечер сегодня амарантовый, – проговорила мама, любуясь небом. – Нет, амарант – не то слово.

– Он скорее карминный. И светло-вишневый, – добавила я.

Благодаря моей маме я могла назвать больше цветов, чем было известно всем моим знакомым, – мастерство, доставшееся от родителя-декоратора. Но в тот момент мне не хотелось говорить о разных оттенках розового и великолепных красках южнокалифорнийских закатов.

– Папа сказал, что ужин почти готов.

Я посмотрела на нее еще раз и задумалась: в какой момент она так изменилась? Когда начала запинаться в разговоре? Когда у нее появилась привычка прикрывать рот во время смеха, красить ногти светло-бежевым лаком вместо красного, а губы – прозрачной гигиенической помадой вместо темно-бордовой? Она все еще слушала Jefferson Airplane и Fleetwood Mac, все еще занималась медитацией по десять минут каждое утро, но, тем не менее, в какой-то момент все ее вещи потускнели до мягких оттенков розового.

Мои родители познакомились в Нью-Йорке, где они вели ту жизнь, которую оставили еще до моего рождения. Маме исполнилось двадцать, она ходила с выпрямленными волосами и носила яркие мини-юбки. Она была вокалисткой Lady Loves, группы из девчонок, постоянно выступающей в клубе на Ист-Виллидж, где папа работал заместителем директора. Когда директор представил их друг другу, мама уставилась на протянутую папой руку так, будто та была измазана в грязи. Следуя за ее взглядом, он осмотрел себя с костюма и галстука до мокасин.

«Мне очень понравилось ваше выступление», – сказал папа, убирая руку.

«Любишь рок?» – спросила мама с презрением, на которое способен лишь двадцатилетний человек.

«Господи, Сьюзи. Этот парень пытается сделать тебе комплимент. Не будь такой стервой», – пробасил директор.

«Иди нахрен, Гарри».

Мама схватила электрогитару и убежала со сцены.

«Не принимай близко к сердцу, – посоветовал директор, повернувшись к моему отцу. – Сьюзи уверена, что ей, как музыканту, нужно время от времени вести себя по-свински».

Но стоило маме заговорить с папой, как он понял, что влюбился.

Каждую пятницу он ходил на концерты Lady Loves. Ему нравилось слушать, как мама поет, нравилось наблюдать за тем, как она забывала, что находится на сцене, забывала о своем колючем образе, и неприветливые черты лица смягчались, а нежный голос зачаровывал.

Выступления сменялись новыми концертами, а отец чувствовал, что мама была совсем молода, и жизнь ее еще не сломила.

В тот вечер, когда мама села за его столик, не произошло ничего особенного. Закончив выступление, она плюхнулась напротив и завязала волосы в хвост. У нее были тонкие, по-девичьи милые черты лица. Она не улыбалась, но папа знал, что ей хотелось.

«Сколько у тебя галстуков?» – небрежно поинтересовалась она.

Данный вопрос сильно его удивил, и он невольно поправил узел. Галстуков у него хранилось столько, что почти каждый из них надевался всего один раз. Никто и никогда не спрашивал папу о его коллекции. Более того, никто этого и

не замечал.

«Около двухсот», – признался он.

«В какой ситуации может понадобиться двести галстуков?»

«Ни в какой».

«Тогда зачем тебе столько?»

Папа понятия не имел, какие привести доводы. Его родители и младший брат умерли, когда он учился в университете. Дяди погибли на войне еще до того, как он родился. Бабушки и дедушки скончались много лет назад. У него были друзья детства, приятели с юрфака, знакомые по работе, стабильный поток подружек, но никого, кто дарил бы ему подарки на день рождения и с кем бы он отмечал День благодарения. Поэтому папа покупал себе галстуки каждое Рождество и на каждое повышение, как напоминание, что он может позаботиться о себе сам.

«Было бы странно, если бы у меня валялось двести пар обуви», – наконец, ответил он.

Мама захихикала и убежала паковать вещи вместе с группой.

Стоило папе рассмешить ее, и она тоже поняла, что влюбилась.

* * *

Когда я вернулась домой, папа сидел за обеденным столом

и пытался сложить льняные салфетки в оригами по мамино-му идеальному образцу.

– Смотри, – сказала я, забирая у него салфетки. Я показала ему, как сложить их в три длинные полосы, затем подогнуть сначала одну сторону, а потом – другую, чтобы получился ровный конвертик.

– А у тебя так хорошо получается, – усмехнулся папа и ушел на кухню.

Папа копошился в ящиках, роняя и убирая сковородки, а я вытащила телефон и напечатала: «Эвелин Вестон», не зная, что еще можно дописать к этому имени в поисковик. Несколько Эвелин Вестон нашлось на «Линкедине», в «Твиттере» и IMDb. Но нужная мне Эвелин Вестон умерла много лет назад, когда еще не существовало социальных сетей и новостной ленты, так что, по всей видимости, мне предстояло разузнать о ней информацию старым способом: через общение с людьми, а не с гаджетами.

Папа вернулся с двумя деревянными подсвечниками, в которых стояли две чуть изогнутые свечки.

– Оказывается, резьба по дереву – не мое.

С тех пор как папа вышел на пенсию, он пытался найти какое-нибудь хобби, но работать руками у него не особо получалось. Его максимум – поменять лампочку, а все, что сложнее, выполняли специалисты. И вдруг внезапно, в свои шестьдесят с лишним лет, он решил стать ремесленником. Мама предложила записаться на занятия, но папа счи-

тал, что ремесленнику суждено быть самоучкой. Поэтому он покупал книги и журналы и смотрел видео на Ютубе. Начал он с кресла-качалки, но затем быстро снизил свои амбиции до деревянного ящика.

– Я показывал книжную полку, которую недавно сделал? Сейчас я ее окрашиваю. Если б не знала, что это я, подумала бы, что мы ее купили.

– Ты слышал про Эвелин, жену Билли?

Не ожидала, что мой вопрос прозвучит так резко.

– Мама рассказала тебе об Эвелин? – Его голос был удивленным, но не встревоженным. С другой стороны, папа всегда хорошо скрывал эмоции. Годы работы адвокатом давали свои плоды.

– Она призналась, что назвала меня Мирандой из-за Эвелин, из-за ее любви к «Буре». – Разумеется, я немного приукрасила. Если папа решил, что мама рассказала мне чуть больше положенного, значит, и ему можно пролить свет на семейную тайну. – Они с мамой близко общались?

Папа протянул руку к подсвечнику и, пощупывая его подушечками пальцев, ответил:

– Еще с детского сада.

– Они выросли вместе? – изумилась я, на что папа кивнул, не сводя глаз с подсвечника. – Но как она умерла?

Он приподнял подбородок.

– Почему ты спрашиваешь?

– Я ведь даже не знала, что Билли был женат. До сего-

дняшнего дня я даже не слышала имя Эвелин! Так ты в курсе, как она умерла?

– Сильный приступ.

– Эпилепсии?

– Не думаю. – Папа отвернулся к стеклянным дверям, за которыми мама осматривала почву под кустами роз. – Может, спросишь, чем она там так долго занимается?

– Она сказала, что скоро вернется. Так что случилось с Эвелин?

Внезапно прозвенел таймер на духовке, и папа в мгновение ока убежал на кухню. Само собой, он не собирался рассказывать мне правду. Они с мамой были совершенно неразлучны, единое целое. Иногда я завидовала их союзу. И, естественно, если мама что-то скрывала, то и папа тоже.

Глава 5

Кирпичный фасад «Книг Просперо» остался точно таким же, каким он был в моей памяти, а вот окружающие его здания изменились. Сансет-Джанкшен, руины старой железнодорожной станции, превратились в отдельный район с кафешками, барами, сырными магазинами и бутиками. Каждый квадратный метр бульвара Сансет был застроен. Люди обедали под навесами закусочных, а мимо них прогуливались пары с колясками.

Я стояла снаружи «Книг Просперо», рассматривая старую вывеску, которую перекрасили, но в общем и целом не тронули. Просперо держал в правой руке посох, в левой – книгу, а за его спиной развевались седые волосы и пурпурный плащ. Панорамное окно не изменилось, только теперь в нем виднелись книги Лайонел Шрайвер, Исабель Альенде и Майкла Поллана вместо новинок прошлых лет.

Я почувствовала знакомый запах, как только вошла в магазин. Белый мускус. Жасмин. Черный перец. Кофейные зерна. Я совсем забыла звон дверного колокольчика, давно не видела пробковую доску у входа, на которой теперь висели листовки с рекламами фитнес-центров и занятий пилатесом. Магазины оказались куда меньше, чем в моих воспоминаниях. Потолки были не такими высокими. Стеллажи располагались ближе друг к другу. Они делились на сек-

ции, которые в свою очередь делились на разделы. Художественная литература подразделялась на классическую литературу, бестселлеры, запрещенную литературу, исторические романы, профеминистские романы, литературу о ЛГБТК, научную фантастику и фэнтези, мистику, нуар, литературу на иностранных языках и небольшие медийные издания. Зеленые кирпичные стены оставались броскими, цвета лайма. Столы с мозаичным покрытием сверкали сине-золотым блеском в ярком освещении. Я не видела Ли. Не видела поэтов в пальто, попивающих эспрессо, симпатичных девушек в комбинезонах, расхаживающих между стеллажей. Нет, симпатичные девушки были. Только выглядели они теперь более худенькими и не подводили так сильно глаза. За каждым столиком в кафе кто-то сидел, стучал по клавиатуре ноутбука вместо того, чтобы писать в блокноте. И все кипело, суетилось, магазин казался таким же живым, как и магия книг Просперо.

У дальней стены стоял лохматый парень, который читал стихотворение Дилана Томаса на похоронах Билли. Он изучал один из стеллажей, периодически проставляя галочки в своем списке литературы. На его футболке пестрела надпись: «Улыбайтесь, вас снимает скрытая камера».

– Это же ты был на похоронах Билли? – спросила я, приблизившись к незнакомцу. Тот оторвал взгляд от блокнота и посмотрел на меня. Судя по выражению его хрустальных глаз, он меня не узнал. – Ты ведь читал стихотворение Ди-

лана Томаса? Меня зовут Миранда.

Словно доктор, он окинул меня сосредоточенным взглядом.

– Блудная племянница вернулась.

– Да, это обо мне.

Я улыбнулась той улыбкой, после которой людям казалось, что я милая, не сексуальная, а именно милая, но он не улыбнулся в ответ. Я протянула руку, и он небрежно пожал ее.

– Малькольм, – представился он таким тоном, будто я уже должна была разузнать его имя.

Завонил телефон, и он направился к стойке с кассой.

– «Просперо», – ответил он на звонок. Как только речь зашла о книгах, тон его голоса резко изменился. – Книги «Белые зубы» нет в наличии, но мы можем заказать для вас экземпляр.

Он прижимал телефонную трубку к уху плечом и печатал что-то за старым монитором. Вокруг стойки творился полный беспорядок: переполненный мешок с предварительным тиражом, не распакованные коробки с книгами, календарь, где на некоторых датах были начерканы названия издательств и чьи-то имена.

– Книга придет через пару дней. Вы читали «О красоте»? Больше похоже на «Белые зубы», чем на NW, но, я думаю, вам... да, она у нас есть... конечно, отложу ее для вас.

Я слонялась по разделу художественной литературы, слу-

шая разговор Малькольма с покупателем о Зэди Смит, с чьими книгами я не была знакома. Разглядывая книгу за книгой, я вдруг поняла, что не читала ничего из представленного на полках, а некоторые произведения и подавно видела впервые в жизни, точно так же как и некоторые подразделы литературы. Даже не думала, что их стоило выделять в отдельный жанр. Интересно, как их расставляли пятнадцать лет назад? В детстве я не обращала внимания на взрослые книги.

Малькольм продолжал рассказывать о стилистических различиях между поздними романами Зэди Смит и ее последней публикацией, а я гуляла между стеллажами, гадая, почему он притворился, будто не узнал меня, хотя мы определенно виделись на похоронах и даже пересеклись взглядами. Раздел подростковой литературы теперь назывался разделом для молодежи и был вдвойне больше прежнего, занимая весь стеллаж. Раньше мне казалось, что все эти книги подбирали специально под меня, но теперь среди них я увидела только несколько знакомых названий.

– Любишь читать? – спросил Малькольм, вернувшись ко мне.

– В основном документальную литературу. Я учитель истории.

Я ждала, что он спросит, в каком классе я преподаю и какую именно историю, ведь вежливая беседа предполагала подобные вопросы после фразы: «Я учитель истории». Но он промолчал.

– Где книги ценятся превыше герцогства, – почему-то проговорила я, на что парень недоуменно вскинул брови. – Мы так отвечали на звонки, когда я была еще ребенком. «Книги Просперо, где книги ценятся превыше герцогства».

Не знаю, почему я сказала «мы».

Я никогда не отвечала здесь на телефон.

– Ни разу не слышал, чтобы так говорили.

Он наклонился и вытащил книгу «Хорошо быть тихоней», которую по ошибке поставили на полку с буквой «Т». Обложка оказалась такого же зеленого цвета, что и стены книжного магазина.

– Это фото, наверное, сделали здесь. – Я подошла к стене и встала в позу одного из молодых актеров на обложке романа. И нет, никакой реакции от Малькольма не последовало, он даже не улыбнулся. Не то чтобы я считала своих учеников особо щедрыми на эмоции, но меня всегда смешило, как они закатывали глаза. Они не ценили мои старания, но хотя бы признавали их.

– Ненавижу, когда на обложку лепят постер фильма.

Он поставил книгу на полку с буквой «Х», где она и должна была находиться.

– Я не собираюсь закрывать магазин, если тебя это беспокоит, – сообщила я, предполагая, что данная догадка – чуть ли не единственное логическое объяснение его холодного отношения ко мне.

– А кто сказал, что меня что-то беспокоит? – раздраженно

ответил он, и я сразу представила его подростком, наглым, упрямым и, наверное, чересчур умным, что играло ему только на руку.

– В детстве Билли часто приводил меня сюда. Я и не понимала ценность этого места.

Малькольм не ответил, смотрел на свои белые тапочки и раскачивался на носках, из-за чего деревянный пол скрипел под его весом.

– Билли не говорил, что собирается оставить магазин мне?

– Не говорил, но сказал юрист. Не знал, что у Билли имела живая семья.

Он повернулся к стеллажам и скрестил на груди руки.

Тот, кто общается с подростками, поймет, что этот жест означает желание увильнуть от разговора.

Жилистый мужчина в бифокальных очках, тот самый, что пел на похоронах Билли, позвал его из глубины зала.

– Прошу прощения, – буркнул Малькольм и побрел в кафе.

– А ты знал какую-нибудь его *неживую* семью? – вслед поинтересовалась я, и парень забавно посмотрел на меня, как если бы я спросила: спит ли он стоя.

Малькольм, стоя ко мне спиной, наклонился к мужчине и принялся рассказывать ему об одной из многочисленных книг, лежащих на столике. Я же продолжила изучать магазин, пересчитывая разделы, на которые раньше не обращала внимания, книги, о которых раньше ничего не слышала

и яркие обложки, которые так и просились в руки. Карикатурное изображение Малькольма улыбалось мне с полки в разделе нуара. На рисунке его скулы выглядели острее, чем в реальной жизни, непослушные волосы лежали аккуратнее, а глаза были добрыми и не такими подозрительными. Над портретом висело облако с прямой речью. В нем говорилось, что нуар – кровь и источник жизни Лос-Анджелеса. Чандлер – его Гомер. Филип Марлоу – его Одиссей. Я рассматривала изображение Малькольма, пытаюсь понять: что же он скрывает. Если он читал речь на похоронах Билли, значит, они были в достаточно близких отношениях. Он отвел взгляд, когда я спросила, слышал ли он обо мне. Выходит, он явно знал о родственниках Билли больше, чем показывал.

Возможно, он что-то знал и о его мертвой жене.

Книги в разделе истории делились на мировую историю, историю США и историю Калифорнии. Литературу распределяли не только по региону, но также по теме, и расставляли в алфавитном порядке, а не в хронологической последовательности периодов. Такая организация была в большинстве книжных магазинов, будто история представляла собой набор отдельных сюжетов, а не цепь последовательно развивающихся событий. В этом и заключался корень проблем современного образования: мы тщетно пытались поделить прошлое на главы. Джей часто говорил, что когда дело касалось истории, я превращалась в безнадежного романтика. А как еще? Это же наше прошлое, а не какая-то ерунда, кото-

рую можно расставить по алфавиту.

Я наклонилась к нижней полке с историей Калифорнии, обозначенной как раздел сейсмологии и истории землетрясений. Книги про землетрясение 1906 года, разлом Сан-Андреас, предсказания и прогнозы. Здесь, на этой скромной полке, расположенной на уровне лодыжки, находился Билли моей юности. Я достала книгу про Нортриджское землетрясение. Та ночь запомнилась всем, кто жил в Южной Калифорнии. Мы с Джоани в ужасе проснулись, услышав грохот книг, упавших с полок. Мама вбежала в комнату, убедилась, что мы не ушиблись и не поранились, и через несколько мгновений комната вновь загремела. Как только толчки прекратились, папа крикнул, чтобы мы вышли из дома. Мы побежали вслед за ним вниз, паркетный пол на первом этаже был завален битым стеклом. Я и Джоани выбежали босиком, поэтому папа пронес нас на руках через гостиную. Из-за высокого забора попомок за пределами нашего участка не получилось бы увидеть, но мы заметили оторванные от соседских домов кирпичные дымоходы и электрические провода, свисающие со столбов. Папа включил радио, мы слушали постепенно поступающую информацию о землетрясении. Начало светать. Число жертв росло. Мама попросила папу выключить радио. Джоани прижалась ко мне, дрожа всем телом, будто землетрясение было внутри нее, и ее жар передался и мне. Земля двигалась здесь, под моими ногами, а значит, Билли не нужно ехать за тридевять земель, чтобы осмотреть

ущерб. Он останется с нами. Это ведь лучший подарок от него.

Как только я приходила в себя после землетрясений, меня охватывало трепетное ожидание. С годами я перестала ассоциировать это ощущение с Билли, но не перестала его чувствовать. Даже во взрослом возрасте я втайне радовалась, когда земля начинала шататься под ногами.

На дубовом столе в центре зала можно было ознакомиться с рекомендациями работников книжного магазина. Малькольм советовал «И восходит солнце», «Бесконечную шутку», «Мальтийского сокола» и «Спроси у пыли». Лючия предлагала почитать Роберто Боланьо, Габриэля Гарсиа Маркеса, Хулио Альвареса и Джуно Диаса. Рекомендациями Чарли были «Джеймс и гигантский персик», «Хранитель времени», две книги Лемони Сникета и иллюстрированное издание Эдварда Гори. Билли советовал только классику: «Женский портрет», «Гроздь гнева», «Ночь нежна», «Эпоха невинности». Я так и знала, что выбор Билли падет на классику, правда, ожидала немного другого: например, «Робинзона Крузо», «Трех мушкетеров» или «Шерлока Холмса».

Я представила рекомендованную мной литературу. Несомненно, по истории США. Представила, какие бы аннотации я написала про великих женщин Американской революции и про неизменных министров Линкольна.

Я полистала книги, что советовал Билли, сама не пони-

мая, чего ищу. Старинный ключ, который Билли передал через Элайджу, все еще лежал у меня в кармане. Он явно отпирал какой-то тайник в «Книгах Просперо», но я не видела ни сейфов, ни антикварных ящичков. И все же ключ должен был привести к некому замку. Книги, рекомендованные Билли, оставались нетронутыми, если не брать в расчет последовательность чисел, начерченных карандашом на внутренней стороне задней обложки «Гроздьев гнева».

Я почувствовала, как Малькольм наклонился над моим плечом и застыл перед списком Билли.

– С книгами, которые он реанимировал после комиссионков, Билли общался на своем тайном языке.

Парень забрал у меня «Гроздьев гнева» и поднес книгу близко к моему лицу. Он объяснил, что две цифры перед дробью означают качество книги, четыре цифры после дроби – год, когда Билли купил ее. Далее – буква, обозначающая месяц. Следующий ряд чисел указывал на различные детали, касающиеся книги: издание, выходные сведения и шрифт. И последняя буква – сезон, когда можно снизить цену, если историю не покупают.

– Обязательно так усложнять?

Малькольм закрыл книгу и положил ее обратно на стол.

– Билли так нравилось.

Под книгами лежала визитка Билли: я провела пальцами по его имени, смотря в глаза мужчине средних лет на фотографии. Заостренный нос, идеально уложенные волосы, ши-

рокая улыбка. Но от этой улыбки так и веяло грустью.

– Я ведь не враг, – прошептала я.

– Это еще предстоит выяснить. – И впервые на лице Малькольма промелькнула улыбка, правда, она так же стремительно исчезла. Стоит отметить: Малькольм показался мне довольно милым без своего злобного взгляда. – Пойдем. Сделаю тебе кофе.

Пока Малькольм хозяйничал за прилавком, я сидела за мозаичным столиком и переписывалась с Джемом. С трехчасовой разницей во времени общаться было довольно затруднительно. Джей рано вставал из-за работы в футбольном лагере, и поэтому, когда он ложился спать, я только ужинала с родителями. Последний раз мы созванивались после похорон Билли. Все остальное время мы общались только сообщениями. Я рассказала ему о свалившемся на меня наследстве, о новой улике, о своих воспоминаниях о «Книгах Просперо».

«Там, наверное, очень круто», – напечатал он и перевел тему на свой футбольный лагерь.

Джей отправил мне видео, где его игроки кричали, что скучают по мне, и изображали поцелуйчики. Он вообще отправлял много таких сентиментальных сообщений. Я, конечно, понимала, что проявлять свои чувства при подростках и просить компанию мальчишек сняться в подобной романтической постановке – рискованное дело, но все-таки мне бы хотелось, чтобы он спросил меня о «Джейн Эйр», о

том, каково мне было возвращаться в «Книги Просперо». Я отправила ему фотографию книжного магазина с подписью: «Добро пожаловать», а он ответил смайликом. Лучше бы вообще не отвечал.

Малькольм оторвался от кофе, когда к нему подошла латиноамериканка, с которой я разговаривала на похоронах. Ее волосы были собраны в пучок, а на белом фартуке, обтянутом вокруг талии, виднелись пятна от кофе. Она заметила, что я наблюдаю за ними, и радостно замахала рукой. Малькольм тоже обернулся, бросив на меня осторожный взгляд. Он налил две чашки кофе и отнес к моему столику.

Я взяла свой напиток и сделала глоток. Малькольм заварил крепкий черный кофе, но я все равно его выпила. Попросить молоко или сахар означало признать свою слабость.

– Вы не боитесь? – Я указала на ключ, который без присмотра болтался в кассе, пока девушка вытирала кофемашину. Этот ключ был относительно новым, из никеля или какого-нибудь другого металла. Ничего общего с тем антикварным ключом, который оставил мне Билли.

– У нас армия постоянных клиентов. Они, может, и покупают только чашку кофе, но это наши глаза и уши.

– В магазине есть где-нибудь сейф? – Я не видела ни одного замка, к которому мог бы подойти старинный ключ.

– Денег там нет. Я сегодня утром был в банке.

– Я и не говорила о деньгах.

– Сейф наверху, в кладовке. – Малькольм указал на дверь

в дальней части кафе. Затем его палец перевел мое внимание на девушку за прилавком. – Это Лючия. Она работает в дневную смену. Чарли тут по утрам. Так что не пугайся, если услышишь его топот под утро. Он приезжает пораньше, чтобы открыть магазин.

Сначала я не поняла, с чего он решил, что я буду здесь до открытия, но потом вспомнила, что Билли купил квартиру на втором этаже.

– Я тут не останусь – в смысле наверху. Мои родители живут в Вестсайде.

– Как знаешь, – пожал плечами пареньь.

– Когда Билли переехал на второй этаж? Насколько я помню, он раньше жил в Пасадене.

Я помнила его старый дом: огромный, с колоннами как в Белом доме, только там не было ни семьи президента, ни слуг, только Билли и куча спален.

– Сколько я его помнил, он всегда жил наверху.

– Это сколько же?

Малькольм пристально посмотрел на меня.

– Такое ощущение, что я на собеседовании.

– И как оно проходит, по-твоему?

– Тяжело сказать.

Кривая улыбка вновь промелькнула на его лице, но сразу же исчезла.

Я завоевала расположение высокомерных четырнадцатилетних девочек, которые носили пуш-ап и красились больше

меня. Я вдохновила местного школьного клоуна написать эссе на шесть страниц о том, как появление хлопкоочистительной машины ухудшило зависимость Юга от рабства. У меня даже получилось заставить восьмиклассников отложить телефоны на весь урок и поучаствовать в общей беседе. И уж тем более я могла очаровать тридцатилетнего замкнутого управляющего книжным магазином.

– Малькольм!

Рядом с нами внезапно оказался незнакомый мужчина. Как выяснилось, его звали Рэй, и он был сценаристом.

– Рэй обещает не забывать о нас, когда получит «Оскар».

– Ну, даже не знаю. – Рэй заулыбался, будто он не раз представлял этот момент, но в следующий миг выражение его лица изменилось. – Ты очень на него похожа.

Я машинально поправила волосы. Они отливали тем же каштаново-рыжим цветом, что и волосы мамы и Билли. Даже боковым зрением я заметила, как Малькольм напрягся.

Лючия вытерла столик неподалеку от нашего и присоединилась к нам. Ее узкая майка выставляла на обозрение несколько татуировок на плечах и ключицах. Увидев, что я пытаюсь расшифровать фразу на испанском на ее предплечье, она сказала:

– Это цитата из книги «Сто лет одиночества».

– Она не читает художественную литературу, – тут же вмешался Малькольм.

– Да ладно. Все слышали про «Сто лет одиночества», –

улыбнулась мне Лючия с извиняющимся видом.

– Мама моего парня давала мне ее почитать.

Парня. Мне все еще казалось странным говорить вслух о наших отношениях с Джем. Малькольм, видимо, уловил нотки неуверенности в моем голосе и с любопытством посмотрел на меня.

– Я люблю Маркеса, – почему-то выпалила я.

Мама Джея оставила «Сто лет одиночества» в нашей гостиной, придя к нам без предупреждения, из желания убить пару часов до встречи со своей подругой в галерее неподалеку. Этот роман так и лежал на журнальном столике около недели, пока я не положила его на книжную полку к остальным романам, к которым Джей никогда не притрагивался.

К кассе подошла девушка с охапкой книг, и Малькольм, едва завидев ее, резко встал и поспешил к стойке. Мы с Лючией наблюдали, как он добивается ее расположения: вот он сказал что-то забавное, что рассмешило ее, а когда он засмеялся сам, я вдруг увидела тот добрый взгляд с портрета в разделе нуара.

– Не бойся его, – улыбнулась Лючия. – Он очень привязан к этому магазину. Как и мы все. – Ее голос, несомненно, был намного дружелюбнее строгого голоса Малькольма, и все же в ее словах затаилась смутная угроза, на случай если я решу сделать что-либо, что разрушит «Книги Просперо».

Поднимаясь по узкой лестнице в зловещую тишину второго этажа, я думала только о «Джейн Эйр». При том что я помнила каждый уголок и особый запах этого места, у меня не имелось ни единого представления о помещении наверху. С противоположных стен прихожей выглядывало две двери. Я открыла одну из них и оказалась в кладовке, заполненной книгами в коробках и чистящими средствами. Позади груды вещей виднелся сейф с кодовым замком. Я не нашла потайных погребов под паркетными досками или же замков, к которым подошел бы старинный ключ Билли.

Значит, оставалась только его квартира.

Дверь со скрипом отворилась. Я ждала, что сейчас кто-то выпрыгнет из-за угла и обвинит меня в незаконном проникновении, во вторжении в личную жизнь дяди. Но ничего не случилось, и я отважно перешагнула порог.

В лучах солнца, пробивающегося сквозь окна просторной гостиной, мерцала пыль. Комната выглядела так, словно являла собой разворот из журнала по дизайну: коричневый кожаный диван и старый сундук на кофейном столике; антикварный туалетный столик у двери и три не сочетающиеся друг с другом вазы. На сундуке висел замок, и я попробовала вставить ключ, но он не подошел. К тому же сундук оказался не заперт: внутри пылилась аккуратно сложенная одежда.

Льняные рубашки и водонепроницаемые штаны цвета хаки – именно те вещи, которые Билли носил в моей памяти. Я взяла рубашку оливкового цвета и вдохнула ее запах. Пахло детской присыпкой, приятно отдавало свежестью, но этот запах никак не ассоциировался у меня с Билли.

Я осмотрела комнату, надеясь найти какой-нибудь замок. Кухню не отделяла дверь. Оттуда воняло дезинфицирующим средством. Плиточная столешница и плита были начищены до блеска. В холодильнике оказалось пусто, лишь в морозилке одиноко лежала формочка для льда. Элайджа сказал, что подготовил для меня квартиру. Вполне разумное решение, но я бы жутко обрадовалась, будь холодильник заполнен едой Билли, а мусорное ведро – остатками еды и прочими отходами.

На двери в спальню не было затвора. Спальня показалась мне такой же старомодной и непримечательной, как и остальная квартира. Ее заполняли плетеная мебель и небольшой книжный шкаф. Книги с твердым переплетом давно выцвели из-за долгого нахождения на солнечной стороне. На комод, рядом со снимком светловолосой женщины, притаился букет сухих полевых цветов. Я взяла рамку с фотографией, сдула пыль со стекла и посмотрела на женщину, улыбающуюся посреди пляжа, на фоне высоких гор. По ее плечам разливались светлые волосы, нежным цветом переливалась фарфоровая кожа, а в зеленых глазах, таких же зеленых, как и ее сережки, томилась печаль. Возможно, незнакомка

лишь почудилась мне грустной, ведь я чувствовала, что ее давно нет в живых.

Я вытащила фотографию из рамки, надеясь найти подпись на обратной стороне, но там значилась только печать «Кодак». Никаких пометок с именами или датами. Должно быть, я смотрела на Эвелин. Мама не уточняла, как она выглядела, но именно такой я себе ее и представляла – молодая, около тридцати лет, блондинка. Красивая, *завораживающе* красивая.

Мне никак не удавалось оторвать взгляд от снимка. Я пыталась понять, когда и где он был сделан. Скалистый пейзаж напоминал Малибу, но в Малибу числилось множество пляжей, и никогда прежде я не видела этого места. Эвелин была не накрашена. Длинные прямые волосы водопадом стекали по ее спине, прикрывали старинные изумрудные серьги. Белая футболка так же не помогала мне угадать время – ее могли сшить в любой период второй половины двадцатого века.

Я положила фотографию обратно в рамку и поставила ее на комод, на то же самое место. Мне вдруг стало необъяснимо грустно. Больше фотографий в комнате Билли не нашлось. Я внезапно осознала, что, несмотря на возможность каждый день видеть образ Эвелин, дядя вел одинокую жизнь, и этот единственный снимок подчеркивал мои догадки. По коже пошли мурашки, а по спине словно ударили током. Меня испугало его одиночество. Я еще раз осмотрела комнату в поисках подходящего замка и, не найдя его, пулей

выбежала наружу, стараясь как можно быстрее отдалиться от зеленых глаз.

У входной двери я не увидела никаких старых ящиков, а не столике из красного дерева не стояло никаких шкатулок. Похожий стол был у моих родителей в коридоре на втором этаже – декоративная фамильная ценность, доставшаяся папе по наследству от бабушки. Я провела рукой по гладкой поверхности, задумавшись: замечал ли Билли схожесть между его столом и нашим и бывало ли такое, что он садился за этот стол и думал о нас?

Я попробовала выдвинуть ящик. Тщетно. Тогда я прощупала рисунок плюща, вырезанный на деревянном покрытии, и нашла медную замочную скважину. Антикварный ключ идеально проскользнул внутрь.

Я повернула его вправо и открыла замок.

Первое, на что я обратила внимание, – неприятный мускусный запах старины. Ящик был завален квитанциями и разорванной почтовой бумагой. Среди многочисленных счетов за отопление встречались пожелтевшие вырезки из «Лос-Анджелес таймс», и я изучила каждую статью, надеясь найти следующую подсказку, пока не поняла, что это всего лишь забытые отрывки из газеты. Под старыми предметами повседневного быта Билли находилась папка со спрятанными для меня подарками.

Билли хранил мои фотографии, программку с моей школьной пьесы, листовки с конкурса ораторского искус-

ства, где я участвовала. Я положила все эти вещи в хронологическом порядке, и передо мной развернулся иллюстрированный пересказ моего детства. История начиналась со снимка Билли со мной на руках. Я – в пеленках лавандового цвета, а на его лице – нечто среднее между удивлением и испугом. Следующая фотография, сделанная двумя годами позже: мы сидим в темном ресторане и уплетаем спагетти, как в мультфильме «Леди и Бродяга». Далее снимок 1991 года: я бегу в блестящем купальнике. Январь 1993 года, мой седьмой день рождения. Это был единственный раз на моей памяти, когда Билли пришел на мой праздник. На этой фотографии мы с Билли позируем с козленком. Я умоляла маму сделать из нашего двора маленький зоопарк.

«Миранда, я не знаю. Это негигиенично», – говорила она.

Я завербовала Билли в свою команду, и мы подготовили презентацию для мамы с занимательными фактами о нигерийской карликовой козе, той самой, что может плодиться круглый год и живет около пятнадцати лет, и о гибриде зебры с ослом. Их еще называют зеброидами, очень редкое животное. Мы учли все меры предосторожности, чтобы гарантировать чистоту, обещали установить специальный пункт для мытья животных и купить много антисептика для рук. Также мы предоставили научные исследования с доказательствами, что шанс подхватить какую-нибудь заразу от нигерийской карликовой козы из Южной Калифорнии очень мал.

На фотографии Билли держал эту козу, как трофей.

Следующий снимок был сделан после школьной пьесы в шестом классе. На ней Билли обнимает меня с Джоани, одетых в костюмы пуританок. На нас одинаковые чепчики и синие платья, но по нашим позам понятно, кто играл Эбигейл Уильямс, а кто – ничем не примечательную женщину, обвиненную ею в колдовстве.

На последней фотографии оказался зоомагазин, один в один, как в моих воспоминаниях. Линолеум с крапинками, металлические клетки, в которых сидели разноцветные птички. Билли прижимал меня к себе, а я поднимала щенка к камере. Мы оба восторженно улыбались. Мы оба казались счастливыми.

А потом все изменилось.

Я продолжила рыться в ящике, пытаясь найти что-нибудь еще, касающееся меня. Среди многочисленных реклам, кредитных карт и чеков с бензоколонки я, в конце концов, наткнулась на сложенный листок линованной бумаги. Почерк был явно мой, но вот текст я видела впервые.

Привет, дядя Билли!

Спорим, ты не ожидал, что я напишу? Прошло столько лет! Вчера я окончила школу. Веришь? Ребята привели на выпускной всех родственников. А я только родителей. Я подумала о тебе, и, знаешь, ты бы тоже мог прийти.

Ты вспоминаешь обо мне хоть иногда? Порой я думаю о всех тех классных моментах, которые мы провели вместе. Так или иначе, я просто хотела

*передать привет. Если ты отправишь ответное письмо, я буду рада. Не волнуйся, я не расскажу маме.
Ха-ха!*

*С любовью,
Миранда*

Я перечитала письмо и представила, что почувствовал Билли, получив его. Он так и не ответил. Я бы запомнила. Я бы написала ему еще раз, мы бы отправляли друг другу письма, пока это не стало бы постоянной перепиской. Наверняка он хотел ответить. Иначе зачем хранить мое письмо? Вероятно, он знал, что, по каким-то не известным мне причинам, он не может это сделать.

Я медленно сложила письмо. Вот и все? Билли привел меня к своему рабочему столу, просто чтобы показать, что он обо мне не забыл? Кто знал, что наше последнее совместное приключение закончится так скоро.

Спрятав письмо обратно в ящик, я вдруг заметила маленькую, но четкую надпись вдоль одного из краев стола: «Вниз». Я не придавала этому значения, пока не положила фотографии в ящик и не заметила то же слово, написанное на обратной стороне каждого снимка: *вниз, вниз, вниз, вниз, вниз*. А на фотографии из зоомагазина оказалась надпись: «Алиса последовала вниз за Кроликом». Следующая подсказка!

Я рыскала по комнате, пытаясь найти книжную полку или какую-нибудь груду литературы, где может быть хоть какая-нибудь потрепанная версия «Алисы в Стране чудес». Но

в гостинной не оказалось ни одной книги.

Сделав глубокий вдох, я вновь вернулась в спальню.

Мне *нужно было вернуться*.

Корешки книг на полке настолько выцвели, что их названия сливались с тусклой канвой. «Маленькие женщины», «Смерть на Ниле», «Цветы лиловые полей», «Даже девушки-ковбои иногда грустят». У меня в голове не укладывалось, что Билли мог читать эти романы. Между Сильвией Плат и Колетт едва виднелся тоненький бордовый корешок. На нем позолотой было написано: «Льюис Кэрролл».

Обложка не отличалась оригинальностью: красное полотно с позолоченным портретом Алисы посередине. Я провела рукой по ее рельефным на ощупь волосам, кружевному платью, похожему на то, которое я надевала три Хеллоуина подряд, пока окончательно из него не выросла. Видел ли Билли меня в этом синем платье? Помнил ли он, что я мечтала завести кролика, чтобы одевать его в жилет? Я перевернула обложку книги.

Алиса падала, падала, падала и упала на кучу листьев и сухих веток. Она не ушиблась, но ее охватило еще большее любопытство. Она попыталась открыть несколько дверей. Все были заперты. Алиса нашла золотой ключик, слишком большой для одних замков и слишком маленький для других. Она заметила занавеску и заглянула за нее. Ключ подошел к скважине, но коридор, ведущий к прекрасному саду, оказался

слишком узким.

Дальше слова Кэрролла были выделены желтым цветом:

«За последнее время произошло столько невероятного, что Алисе начало казаться, что очень немногие вещи в этом мире действительно невозможны».

Именно поэтому Алиса выбрала прагматический подход – насколько вообще человек может быть прагматичным после того, как последовал за говорящим кроликом вниз по длинному и темному туннелю – она принялась искать книгу с указаниями, но вместо этого нашла пузырек с надписью «Выпей меня». Я пролистала книгу и наткнулась на конверт меж страниц в самом конце. На конверте горела надпись: «Прочитай меня».

Внутри оказалась толстая кипа бумаги. На титульном листе, под знаком госпиталя «Седарс-Синай», лежало письмо Билли от доктора Назарио:

«Прикладываю к письму информацию о ваших результатах. Наше отделение будет на связи для назначения следующего осмотра».

Имя доктора Назарио обводил красный кружок. На следующих страницах были расписаны детали, касающиеся ана-

лизов, которые сдавал Билли: клинические показания зафиксировали затрудненное дыхание и сдавленность в груди, что по общим признакам напоминает аортальный стеноз. Результаты анализов датировались мартом двумя годами ранее.

Я еще раз прочитала выделенный отрывок. «Очень немногие вещи в этом мире действительно невозможны». Я до сих пор помнила иллюстрированное издание «Алисы в Стране чудес», которое было у меня в детстве. Алиса в синем платье. Вокруг витают трефы, бубны, черви и пики. Мне бы хотелось поверить, что именно Билли подарил мне эту книгу, что когда-то она стояла на полках «Книг Просперо», но на самом деле мне ее купила мама в Вестсайде, в магазине с детской литературой. Мы с Билли никогда не читали эту сказку, даже в те ночи, когда он укутывал меня в одеяло и я чувствовала, что, действительно, нет ничего невозможного. И все же он знал, что я, подобно Алисе, последую за ним вниз, вниз, вниз, пока падать будет больше некуда.

Глава 6

Помимо основного корпуса, у клиники «Седарс-Синай» имелось несколько офисов, разбросанных по всему городу. Доктор Назарио работал в трех разных корпусах, и ближайшая запись к нему была возможна не раньше, чем через шесть недель. Я старалась объяснить девушке, ответившей на мой звонок, что не собираюсь записываться на консультацию, а мне просто нужно поговорить с доктором о моем дяде, но она только повторяла про государственные требования конфиденциальности.

– Как я могу связаться с доктором Назарио?

– Можете написать ему на электронную почту, – ответила она.

– А он ее проверяет?

– Я администратор, а не его личный секретарь. Так вам дать его адрес?

Я набросала небольшое сообщение доктору Назарио и отправила его в пучину интернета, не особо надеясь, что он его прочитает, не говоря уже об ответе.

Утром я выехала в «Книги Просперо» в самый час пик, и поэтому дорога заняла больше часа. С одной автострады на вторую, со второй на третью, и каждая оказалась настолько перегружена машинами, что не оставалось сомнений, почему же лос-анджелесские магистрали так не любят. Когда

я зашла в магазин, я невольно бросила взгляд в сторону рабочего места Билли, желая увидеть его кружку с разломом Сан-Андреас, притаившуюся у компьютера, и потрепанную кожаную сумку на полу, у кресла. Мне хотелось увидеть, как Ли торопится к телефону, как он напоминает звонящим, что в «Книгах Просперо» книги ценятся превыше всего остального. Но вместо этого я увидела Малькольма, читающего за кассой. Услышав, как кто-то вошел через черный ход, он с надеждой поднял глаза, но, заметив меня, тяжело вздохнул, словно расстроился, что я вернулась.

Утром в магазинчике всегда спокойнее, чем в послеобеденное время. В девять часов лишь небольшая горстка преданных своему делу писателей работала в кафе. Толпа людей скромно ждала своей утренней чашки кофе, пока Чарли, третий член клана «Просперо», варил смесь из молока и молотых зерен.

Чарли было чуть больше двадцати. На его левом предплечье красовалась татуировка большого и доброго великана, а на правой дельтовидной мышце – чудовище из «Там, где живут чудовища». Он уселся рядом со мной и закатал штанину, обнажив бледную, покрытую веснушками лодыжку.

– Думаю здесь еще Вилли Вонка набить. Или щедрое дерево, пока точно не знаю.

– Билли подарил мне «Щедрое дерево», когда я пошла в детский сад, – внезапно вспомнила я.

До начала занятий оставалась неделя. Билли должен был

уехать в Северную Калифорнию, где после небольшого землетрясения зафиксировали смещение в горной цепи Санта-Крус. Билли знал, как я переживала. Новый детский сад. Новая группа, в которой, как я думала, все давно сдружилось. Он очень волновался, что не мог быть рядом, и купил мне «Щедрое дерево» – возможно, чтобы научить меня настоящей дружбе или показать, что он останется моим щедрым деревом, что бы ни случилось.

– Билли любил читать книги детям, – сказал Чарли, расправляя штанину.

– Он когда-нибудь читал им «Алису в Стране чудес»?

– Да, была у него старая книжка, и стоило ему ее открыть, как на шелест страниц, будто обладая шестым чувством, сбегались все соседские дети. – Чарли улыбнулся, а я достала из сумки книгу и протянула ему. – Именно она, – подтвердил он, и улыбка исчезла с его лица при виде огненно-красной обложки.

– Ты давно тут работаешь? – Я спрятала книгу обратно в сумку.

– Три года. Не думал, что останусь тут надолго, но это все наши истории.

– А почему ты остался?

Чарли поерзал на стуле и уселся поудобнее.

– Когда я только пришел, я читал Кена Кизи, Генри Миллера и все такое. Однажды Билли выхватил у меня «Заводной апельсин» и дал мне «Чарли и шоколадную фабрику». Я

видел фильм, но книгу не читал. Я и забыл, что это совсем не детская история. Она очень мрачная, но не агрессивная. Билли всегда знал, какая книга тебе нужна. В этом заключалась его сила, будто он какой-то книжный доктор, а книги – его лекарства.

– Или будто в книгах есть некая магия, – добавила я, и Чарли, подмигнув, ушел к подростку, который ждал у кассы.

Сев за дальний столик, я с интересом наблюдала за утренней рутиной магазина. Рэй, сценарист, работал за столиком рядом со мной. Я помахала ему.

– Миранда, я правильно помню? – спросил он, вынимая наушники. Я гордо кивнула, словно запомнить мое имя – благородная задача. – Вы живете неподалеку?

– Вообще я живу в Филадельфии, а сюда приехала на пару недель.

– Так вот почему мы не виделись раньше.

– А вы давно сюда приходите?

– Каждый день вот уже четыре года. Соболезную по поводу Билли. Он был хорошим человеком. Кстати, именно он познакомил меня с моим агентом, Джорданом. Если бы не Билли, моя карьера бы так и не началась.

Я изучила соседние столики, за которыми тоже работали посетители. Мне вдруг стало интересно: изменил ли Билли и их жизнь? Запомнили ли они того Билли, что остался в памяти Чарли и Рэя, того Билли, который маленькими проявлениями доброты принес в их жизнь некую завершенность.

На моем телефоне прозвенел звук уведомления о новом сообщении. Доктор Назарио все-таки прочитал мое письмо. Мне повезло: пациент отменил осмотр, и у него появилось свободное окно. Доктор спрашивал, смогу ли я приехать сегодня днем. Я быстро напечатала «Да!» и выбежала из магазина. Уже в пробке на бульваре Беверли я вспомнила, что даже не поздоровалась с Малькольмом.

* * *

Доктор Назарио оказался высоким мужчиной с квадратной челюстью и такими острыми скулами, что о них, казалось, можно порезаться. Он выглядел, как врач из какого-нибудь сериала, а не как настоящий доктор, который сдавал экзамены в медицинском. Впрочем, типичная ситуация в Лос-Анджелесе. Большинство жителей этого города походили на героев из популярных блокбастеров. Даже Малькольм со своими хрустальными глазами и очерченными скулами был куда симпатичнее, чем большинство управляющих книжных магазинов.

На стенах кабинета доктора Назарио в рядок висели дипломы и сертификаты аккредитации. Я села напротив рабочего стола. Доктор достал письмо из ящика.

– Билли оставил официальное разрешение, на случай если вы заинтересуетесь его историей болезни.

Записка оказалась нотариально заверена Элайджей за год

до смерти Билли.

Доктор Назарио поставил на стол пластмассовое сердце и открыл его.

– Аортальный стеноз – это патологическое сужение аортального клапана. Когда клапан сужается до такой степени, что перекрывает приток крови из левого желудочка. Как результат, развиваются некоторые сердечно-сосудистые заболевания. Существуют различные операции по замене клапана, но Билли обратился ко мне слишком поздно, только когда началась сильная боль в груди. К тому моменту лечение уже стало рискованным. Мы прописали ему диуретики, чтобы снизить внутрилегочное давление, затем следили за его состоянием. Учитывая, что сужение было существенным, Билли повезло прожить еще два года.

Я рассматривала внутреннюю текстуру пластмассовой модели сердца, пока доктор Назарио не закрыл ее. Он пролистал папку с документами Билли и протянул мне конверт.

– Билли попросил передать вам это.

Он встал, жестом приглашая меня выйти в коридор.

– Почему у здорового человека, не болеющего эпилепсией, может случиться приступ? – спросила я, следуя за ним по коридору с конвертом Билли в руках.

– У вас был приступ?

– Нет, не у меня, у жены Билли. Она умерла от острого приступа, и мне интересно узнать, по какой причине такое могло случиться, ведь она была совсем молода.

– Ну, причин для неэпилептических приступов немало. Например, психогенный фактор. Или передозировка наркотиков, опухоль мозга, сосудистое заболевание головного мозга, травма головы. Сложно сказать без медицинской карты.

– К сожалению, у меня нет ее медицинской карты. А какие из этих причин наиболее вероятны?

Доктор Назарио нахмурился.

– Боюсь, мне не удастся поставить диагноз без дополнительной информации.

Я поблагодарила его и ушла. Хоть он и не смог назвать причину приступа Эвелин, его разъяснение подтвердило мои подозрения: родители что-то скрывали. Если смерть произошла в результате передозировки, папа бы сказал, что у нее были проблемы с наркотиками. Он бы сказал, что у нее была опухоль или травма головы в результате какого-нибудь несчастного случая. Но причина явно крылась в чем-то другом. Если Эвелин умерла от острого приступа, значит, это произошло по иной причине и папа пытался от меня эту причину скрыть.

Выйдя из клиники, я разорвала конверт, который мне дал доктор Назарио.

«Наука – основа любой жизни, особенно моей. Я состою из волокон, мускулов и мозгов, мой рост достигает до двух с половиной метров, у меня блестящие черные волосы и бело-

снежная улыбка, но как бы привлекательно это ни звучало, я тебе не понравлюсь».

Этот текст оказался мне незнаком. Я попробовала поискать в интернете, но Гугл выдал только статьи про нервные и мышечные клетки, а также сайты для детей про то, как функционирует организм. Ни в одном из результатов не было словосочетаний «белоснежная улыбка» или «блестящие черные волосы».

Выходит, это не отрывок из книги, а загадка.

А может, это отсылка к мемуарам или биографии какого-нибудь знаменитого ученого? К философии Платона или Аристотеля? К какому-нибудь художественному произведению? Давненько я не практиковалась в ребусах, так что у меня не получилось найти ответ.

Я положила записку в задний карман и принялась изучать другой документ от доктора Назарио: письменное разрешение посвятить меня в подробности болезни Билли. Я надеялась отыскать там подсказку, хоть что-то, что помогло бы разрешить загадку, но увидела лишь подпись Элайджи, которая официально заверяла документ.

Насколько хорошо Элайджа знал Билли? Достаточно, чтобы стать исполнителем его последней воли. Достаточно, чтобы хранить для меня «Джейн Эйр». Достаточно, чтобы заверить письмо, разрешающее мне говорить с лечащим врачом Билли. Достаточно, чтобы знать, что же Билли подготовил

для меня. По крайней мере, я хотела в это верить.

* * *

Офис Элайджи находился недалеко от клиники «Седарс-Синай».

– Миранда! – почесав затылок и растрепав свои и без того взъерошенные волосы, воскликнул Элайджа и провел меня в офис. На нем опять был серый костюм в полоску, и мне даже стало интересно, тот же это костюм или он купил несколько одинаковых комплектов. – Мы разве договаривались встретиться?

– Я не вовремя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.